Анкер

Кирилл Кудряшов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Молодой программист, для которого компьютеры. Пожалуй, играют в жизни даже большую роль нежели люди, подчинившись непонятному ему самому озарению, создает программу, позволяющему СОХРАНЯТЬСЯ и ЗАГРУЖАТЬСЯ в жизни, будто в компьютерной игре. Это открытие переворачивает его жизнь, но изменения не только положительные… Загружаясь, он проживает один день несколько раз, дабы покорить сердце своей возлюбленной, но этот «День сурка» постепенно превращается в «Эффект бабочки». Словно вирус пробрался из виртуальности в повседневность, поразив всех, кто был дорог главному герою. Вирус ли это?

- Кирилл Кудряшов

Кирилл Кудряшов
АНКЕР

Тем, «Кто правду пытал
У фальшивых зеркал»

Посвящается…

Разумеется, «Нью-Йорк Пицца» в центре города не тянула на фешенебельный ресторан, да и сам этот чисто американский продукт приходился по вкусу далеко не всем, но Слава точно знал, что ей здесь понравится. Нет, не так — знал, что ей здесь нравится, так как уже был здесь с ней в прошлой загрузке этого анкера. И в позапрошлой… И еще много раз. Она любит гавайскую пиццу, кофе со сливками, музыку Элвиса Пресли — просто потому, что он был королем рон-н-рола, и им же и остается. Ей нравится Уилл Смитт, постер с изображением которого висел сейчас над их столиком, и лучшей его ролью она считала роль в фильме «Я, робот» Алекса Пройяса… Вспомнив об этом он сменил тему разговора…

— Кать, а «Я, робот» ты видела?

Она удивленно вскинула брови — уже в который раз за этот вечер…

— Почему ты спросил?

— Ну… Просто ты говорила, что тебе нравится Уилл Смит, я и подумал, что твоим любимым фильмом должен быть какой-то с его участием. Ну не «Люди в черном» — не правда ли?

Он бил наверняка, пару загрузок назад между делом выяснив, что эту комедию она просто на дух не переносит. Тогда это было его ошибкой — он решил, что ей должны нравиться смешные фильмы, и тут же упал в ее глазах. Пришлось в который раз возвращаться… Но она стоила того!

— Да, мне нравится этот фильм. — сказала она, — Очень нравится.

Она с наслаждением потянула через соломинку холодную «Колу» и откинулась на спинку сиденья… Сколько раз он видел этот жест? Десять раз? Пятнадцать? Сколько раз он возвращался к одному и тому же анкеру — к тому моменту, когда они встретились в первый раз.

— Слава, а можно спросить, чем я тебя так заинтересовала? — словно читая его мысли спросила она.

Этого не было в прошлом сохранении, и он не знал, что ей ответить… точнее, не знал точного ответа на вопрос, но примерно представлял себе, что она хочет услышать.

— Ну… — он в точности копировал ее движение, облокачиваясь на спинку сиденья, — Как тебе сказать… Не знаю, как сформулировать. Наверное, чистотой.

— Что? — переспросила она.

— Я расскажу тебе, как это выглядело с моей стороны. Дождливое утро…

— Более чем. — улыбнулась она, видимо, вспоминая себя — растрепанную и промокшую.

— Дождливое утро, — продолжал Слава, — Толпа народу на остановке. Все ждут автобус — этакое олицетворение коллективного счастье, один на всех. Десятка два людей, усиленно толкающих друг друга зонтиками и надеющиеся влезть в этот драндулет первыми. И среди них — ты, казалось бы, обычная, не отличающаяся от остальных студентка, которая также как и все торопится в институт. Весенняя сессия, все на взводе, и ты, наверное, тоже…

— Ничего подобного, — запротестовала она. — Я же тебе говорила, что материал я знала на зубок. Боялась только опоздать.

— О чем я и говорю. Все на взводе. И тут появляется маршрутка…

— Все складывают зонтики, — продолжила за него Катя, — ибо маршрутка — это круче, чем автобус. Это спасение от холода, удобные сиденья и большая скорость. До института доберусь меньше, чем за пол часа…

— Рассказывать будешь ты, или все же я? — шутливо укорил ее Слава. — Я же говорю, как это все выглядело с моей стороны…

— Прости. Продолжай.

Она улыбалась. Не вспоминая тот утро, как это часто бывает — улыбка от воспоминаний, а просто оттого, что ей было хорошо. Хорошо с ним. С человеком, которого она знала всего несколько часов, и который сейчас казался ей самым близким человеком на свете. Слава чувствовал это… Чувствовал всей душой.

— Так вот, появляется маршрутка, все готовятся штурмовать ее, и даже милая хрупкая девушка по имени Катя, опаздывающая на экзамен по анатомии, принимать который должно этакое светило науки по фамилии Бородин…

— Откуда ты знаешь? — Катя буквально подпрыгнула на месте. — Разве я тебе говорила как его зовут?

— Разве?… — так сложно было запомнить, что и в какую из встреч с ним она говорила. Прокол. Существенный прокол. — Не

помню. По-моему все-таки говорила.

— Да не говорила я! — в ее глазах светился огонек любопытства. Еще бы — весь вечер Слава предугадывал ее желания, буквально читал мысли и вот, теперь, выдал на-гора то, что она еще даже не успела сказать.

— А может быть просто слышал где-то про то, что анатомию в меде читает Бородин, — выкрутился Слава. — Не помню.

— Ладно… — сказала Катя. — Продолжай.

Он чувствовал, что она не удовлетворена ответом — просто решила отложить его подальше, в темные закоулки памяти, чтобы вытащить какое-то время спустя.

— Бог с ним, с Бородиным, — продолжил он. — И вот, эта самая очаровательная девушка Катя, вместе со всеми бросается на штурм маршрутки, которая притормаживает, готовясь остановиться… Вот только секунду спустя она набирает ход и проносится по луже у самого поребрика, обдавая всех грязью с головы до пят. Увернуться невозможно! И вот, среди шума, гама, проклятий в адрес юмориста-шофера, стоит девушка Катя, из глаз которой катятся две большие горькие слезы.

— Еще бы! — прокомментировала она, но больше не улыбалась. Он напомнил ей о том грязном утре… Может быть и зря… — Но при чем тут чистота? Я была устряпана грязью, как ты уже сказал, с головы до пят!

— Не та чистота, Катюш. Когда все вокруг матерились так, что даже у меня, привыкшего в гостевых книгах и чатах читать такое, что филологам и не снилось, уши в трубочку сворачивались, ты стояла и плакала. Беззвучно и тихо. При чем мне, лично, показалось, что плакала ты не из-за испорченных джинсов и не из-за того, что Бородин придушит тебя за опоздание на его экзамен, а от горечи осознания того, что в этом мире верхом юмора считается облить прохожих грязью и побыстрее уехать. И еще от того, сколько зла выплеснули из себя все эти люди, ставшие жертвой этой дурацкой шутки.

Она молчала… его слова попали точно в цель, в самое сердце. Все же не зря он возвращался в этот анкер раз двадцать — успел достаточно узнать ее, чтобы понять, где лежит ключик к ее сердцу.

— Чистота… — проговорила она, словно смакуя это слово. — Спасибо. Таких комплиментов мне еще не делали.

Быть может и стоило сказать сейчас что-нибудь в духе «А зря!» или «Ты еще не такого достойна», но Слава счел за благо промолчать. Однажды он уже наговорил ей кучу комплиментов подряд — она красивая, умная, интеллигентная, добрая и т. д… В результате она устроила ему настоящий скандал и пришлось в

очередной раз возвращаться, злясь на себя за то, что показался ей льстивым подлизой. Такие девушки как она не любят лести… Тогда она запустила в него куском пиццы и выбежала вон, чем вызвала в его сердце волну еще большей любви. Горячая девушка…

Слава украдкой посмотрел на часы — восемь с половиной… Абсолютно пустая маршрутка должна была подъехать на Речной Вокзал в девять ноль одну — это он запомнил точно, так как в свое предыдущее возвращение они ехали на переднем сиденье, обсуждая красоты очного Новосибирска. Романтично и красиво… И если бы не та машина, облившая их грязью уже на подходе к дому, быть может, придя домой он заменил бы анкер на новый. Ну и разнос же он получил от Кати тогда… Эта милая девушка, еще утром молчаливо стерпевшая ту сцену с шутником-водителем, в прошлый раз обложила его крепким словцом и сказала, что истинный джентельмен должен идти между дамой и проезжей частью, дабы даму не обливали грязью машины… Сегодня он даже хотел, чтобы тот проклятый «Жигуленок» промчался рядом с ними вновь — не зря же он прихватил с собой зонт…

— Катюш, а нам домой не пора? — спросил он. — А то, если посидим еще пару минут — и вообще до дому не доберемся.

— Пора, — неохотно согласилась она, сверившись с часами. — Нам, ведь, на один автобус?

Все эти слова Слава уже слышал в прошлой загрузке — диалог шел по накатанному сценарию и он без труда попадал в такт Катиных мыслей, вновь поражая ее способностью предугадывать то, что она хочет сказать. Едва она поворачивала голову к мэрии, еще мысленно отмечая яркий ровный свет фонарей на здании, делавший его похожим на средневековый замок ожидающий своего хозяина из дальнего похода, как он уже озвучивал эти мысли, восторгаясь городской архитектурой. За секунду до того, как она оступилась, попав ногой в какую-то выбоину, он подхватывал ее под руку, а стоило ей заговорить о своей учебе, как он тут же разражался тирадой о том, как современному миру нужны врачи и, в частности, терапевты. В общем, повторял все то, что слышал от нее в прошлый раз, наслаждаясь ее удивлением. Еще бы, ведь она не могла и догадываться о том, что этот прошлый раз был… И более того, что он возвращался в этот анкер уже раз двадцать!

Ночной Новосибирск был необыкновенно красив, и шоссе, по которому ровно катилась «ГАЗель», в которой они ехали, казалось разноцветной лентой, украшенной множеством огней. Огни фонарей, огни автомобилей — слепящие и бьющие в глаза, или

маленькие ярко-красные, удаляющиеся от них. Огни поезда, пронесшегося им навстречу по насыпи и, наконец, два маленьких голубых огонька Катиных глаз, которые не различил бы простой смертный, но отчетливо видел влюбленный. И эти огни были во стократ милее всех остальных, так как горели если не ответным чувством то, хотя бы, ярким интересом к нему. А от этого и до любви недалеко…

Сегодня он сделает все как надо! Больше не будет случайностей вроде того «Жигуленка», и он больше не сболтнет лишнего, вызвав ее недовольство или, упаси Боже, злость. И тогда он заменит анкер, чтобы в следующий раз возвращаться в завтрашний день. Хоть сто, хоть тысячу раз, но только ради того, чтобы сделать и следующий день незабываемым для нее.

— Слава, а кем ты работаешь? — прервала Катя немного затянувшееся молчание, — Мы почти весь день проговорили обо мне, а кто ты — я так и не поняла. Что-то с компьютерами связанное, да?

— Ну… Почти. Программист без образования, веб-дизайнер без постоянной работы… Перебиваюсь случайными заказами, программами, настройкой систем или сетей. В общем, кочевой образ зарабатывания денег.

— И, как я погляжу, неплохой…

— Есть маленько. Платят неплохо, да я и не жалуюсь.

— То есть, прокатить девушку на такси для тебя труда не составляет?

Слава напрягся, предчувствуя новый скандал. Катя, вообще, вспыхивала словно спичка по малейшему поводу, и тогда пощады не жди. Быть может и сейчас она тонко намекала ему на то, что раз он так много зарабатывает, то мог бы поймать такси, вместо того, чтобы трястись в этой маршрутке! Ведь именно так они познакомились — он предложил ей подбросить ее на такси до института, раз она так опаздывает…

Ах, вот оно что — она всего лишь вспоминает сегодняшнее утро. Ее слова — не предвестник новой обиды, а всего лишь комплимент…

— Такую как ты — нет, — ответил он, и тут же вновь приготовился к вспышке гнева — она же не любит, когда ей говорят навязчивые комплименты! Знать бы еще, какие именно комплименты она считает навязчивыми…

Но Катя лишь улыбнулась ему, всем своим видом давай понять, что сегодня катастрофы не предвидится. Слава вздохнул с облегчением, вновь решив для себя, что этот день все же закончится так же хорошо, как и начался, и, придя домой, он тут

же создаст новый анкер…

Маршрутка плавно вырулила к остановке и Слава, резво выпрыгнув из кабины, подал Кате руку. Она любит джентльменов, любит вежливых и воспитанных парней…

— Спасибо, — сказала она и безапелляционно взяла его под руку, вызвав у Славы новую волну удивления. В прошлой загрузке он сделал все точно также, но до дома он провожал ее просто идя рядом… Все же это не «День сурка», где день повторялся с педантичной точностью… Или просто там, в баре, он сделал что-то не так, как раньше — в другой момент улыбнулся, по-другому подал ей стакан с «Колой», и загруженный анкер стал немного другим. Интересно, насколько? И главное — тот «жигуленок», что в прошлый раз облил их грязью, не связан ли он с его улыбкой или чем-то еще? Теоретически — не должен.

А практически? Эффект бабочки… Взмах крыльев бабочки в Англии посредством механизма причинно-следственной связи способен вызвать ураган на побережье Калифорнии.

Он взглянул на часы, вспоминая прошлую загрузку. Через три минуты они должны поравняться с широченной лужей, оставшейся от утреннего дождя, который, собственно, и свел его с Катей…

— Пошли? — спросил он и легонько потянул ее за собой, торопясь успеть к злосчастной луже, которая поссорила их в прошлый раз. На этот раз он шел слева от Кати, держа в левой руке зонт и готовый раскрыть его в нужный момент.

— Слава, как ты думаешь, мир есть? — спросила, вдруг она, вновь заставив его ощутить неприятный холодок в груди. Все шло не так, как в прошлый раз, хотя по логике вещей должно было. Все прошлые разы он предугадывал каждое ее слово, так как для него она уже произнесла их. Он специально засекал время — автобусы подъезжали к остановке секунда в секунду, официантка в баре убирала использованную пластиковую посуду с их столика в одно и то же время, если он в одно и то же время делал заказ. В этом, наверное, и была вся соль — «в одно и то же время». Должно быть, в этот раз он сделал что-то по-другому, не так, как раньше, и все изменилось. События пошли не так, как должны были… Впрочем, ничего плохого в этом Слава не видел — его просто пугал механизм загрузки в анкер, так как он сам до конца не понимал того явления, которое открыл.

— Мир? В каком смысле? — переспросил он.

— Ну, в смысле, что некоторые верят, например, что весь мир — это лишь плод воображения людей.

— Отражение нашего сознания?

— Что-то в этом духе. То есть, если все люди на Земле, вдруг,

перестанут верить в то, что мир существует, то он просто исчезнет? Как ты думаешь, это правда?

— Да, — не раздумывая согласился он. — Вот только мне раньше казалось, что в таком случае если один конкретный человек перестает воспринимать мир как реальность, то для всех остальных людей он просто исчезает. Не мир — этот самый человек. Ведь он же не верит в этот мир, верит в какой-то другой? Вот в нем они будет существовать, и в нем его и будут видеть. А в этом — нет.

— То есть, миров, по-твоему, много?

— Не знаю, — задумался Слава. — Может быть, мир все же один, вот только для каждого из нас он свой. А может быть, сколько людей, столько и миров. У каждого — свой собственный.

Позади них вспыхнул свет фар и Слава облегченно перевел дух. Чертов «Жигуль» все же надумал появиться. Точного времени он не засекал, но вроде бы все приблизительно совпадало. Как и в прошлый раз, машина мчалась к ним, не сбавляя ходу.

— Дай мне, пожалуйста, свой зонтик, — попросила Катя.

Слава, уже приготовившийся раскрыть его в тот миг, когда автомобиль промчится мимо, инстинктивно спрятал его за спину… Вот, значит, почему все идет не так. Вот он, эффект бабочки! И как он сразу не догадался, что изменилось с прошлой загрузки — тогда он просто не взял с собой зонт!

— На кой он тебе? — Слава тянул время. «Жигуленок» был уже совсем рядом, и меньше десяти секунд спустя он должен был на полном ходу промчаться по луже рядом с ними. А вот и лужа!

— Просто хочу его посмотреть. — Катя обиженно надула губки. Этого жеста он раньше за ней не замечал, хотя ему казалось, что он знал их все. Как она вздергивает носик, когда обижается, как складываются в улыбку ее губы, когда она радуется… Это был не ее жест, не ее мимика. Чертов эффект бабочки! Чертов зонт! Чертов анкер!

Машина была совсем рядом. Еще несколько секунд… Или проще все же дать ей зонт, и отойти в сторонку, подальше от грязных брызг, которые поднимает машина?

Рев «Жигуленка» приближался. Громко. Слишком громко. Не так, как в прошлый раз. И тут же пришло осознание того, что это не легковушка, это кто-то побольше.

Эффект бабочки!

Катя, вдруг, улыбнулась. И вновь не так, как раньше. Обычно ее улыбка начиналась с уголков губ, плавно переходя на остальную часть губ, сейчас же она улыбнулась резко, неожиданно. Словно одним движением оскалила зубы, будто

зверь перед прыжком. Только оскал был миролюбивый, какой-то игривый. Она сделала маленький шажок к нему и, перехватив его руку, вырвала зонт. В ее глазах светились озорные искорки… Она не то кокетничала с ним, не то играла…

Этого не было ни в одной из прошлых загрузок!

— Ага! — победно воскликнула Катя, поднимая зонт над головой.

Бог с ней, с его задумкой. Выглядеть рыцарем не получилось… Теперь Славу занимало другое — как бы вновь не угодить под фонтан грязи.

— Давай отойдем в сторонку, — сказал он тоном, подразумевающим, что играть в «отбери цацку» он не собирается, — А то этот драндулет нас сейчас обольет.

Он сделал шаг к ней, надеясь, что она отступит назад, но то ли она не успела среагировать, то ли и не собиралась. Автомобиль промчался совсем рядом, разве что самую малость сбавив ход, и волна грязи из-под его колес, каскадом вылилась на них обоих.

Как в прошлый раз… За исключением, быть может, того, что тогда Кате все же досталось больше, чем ему. И того, что в прошлый раз это был «Жигуленок», а не громадный джип.

Весь день — псу под хвост! Все зря! Сейчас она выскажет ему все, что думает о парне, не способном защитить девушку от таких мелких жизненных неурядиц. Сейчас озорные искорки в ее глазах сменятся гневным пламенем… Вот оно, уже разгорается… Сейчас она оттолкнет его, назовет идиотом и устроит грандиозный разнос.

Нет, все! Хватит с него загрузок! Сейчас, придя домой, он вновь вернется к записанному анкеру, но больше не пойдет с ней на свидание! Хватит! Если за более чем двадцать загрузок у него ничего не вышло, значит не судьба. Придется поверить, что такой поворот просто не предусмотрен игрой, правила которой он научился обходить. Не просто запрещено правилами, а именно не предусмотрено!

Но все вновь пошло не так! Вместо того, чтобы наорать на него, Катя, вдруг, повернулась вслед удаляющемуся автомобилю и зычно крикнула в темноту весеннего вечера:

— Козел!

Взвизгнули тормоза джипа… Остановившись, машина дала задний ход.

— По-моему у нас проблемы… — задумчиво произнес Слава, уже предчувствуя, что домой придет с солидным фингалом, если не с парой сломанных конечностей. Нет, точно, придти домой, загрузиться и все, хватит с него этой Кати. Очаровательной,

элегантной, умной, но порой делающей неожиданные и непонятные вещи. Немного сумасшедшей…

Но в то же время, в глубине души, он знал, что все равно вновь встретится с ней. Если в самом начале это было не более чем увлечением — очаровать девушку, загружаясь до тех пор, пока день не пройдет идеально, то затем переросло в глубокое и сильное чувство. Он любил ее… Поэтому сейчас сломанные конечности были гораздо более вероятны, чем просто подбитый глаз. За свою любовь нужно уметь постоять, даже если она этого никогда не узнает, так как вернувшись к анкеру он опять встретится с той Катей, которая еще не ужинала с ним в баре, не обсуждала Уилла Смита… И не грубила этим «новым русским» на джипаре!

Машина остановилась в паре метров от них. Передняя пассажирская дверца открылась и на мокрый асфальт ступила тумбообразная нога типичного «Спортивного костюма» — этакого спортсмена-рекетира. С небольшой задержкой второй точно такой же тип выбрался и с водительского места. Ситуация-с…

— Вы че там нам в след орали? — прогнусавил первый, не торопясь покрывая расстояние, отделявшее его от Славы. — Мне не послышалось?

— А х. ли с ними базарить? — не трогаясь с места заговорил второй, — Телка нас козлами назвала, за это надо ответить…

Все последующее произошло настолько быстро, что Слава не успел не то, что сделать что-то, но даже и толком испугаться. Такого не могло быть, просто-напросто по законам жанра. Быки должны были, просто обязаны, загрузить его по полной, набить стрелку, потребовать денег… Наконец, отмутузгать по полной программе и, быть может, забросить Катю на заднее сиденье джипа, чтобы завезти ее на какую-нибудь отдаленную дачу с глухим забором и охраной. В общем, одни должны были действовать так, как заведено, как принято в их среде, в этом мире… Слава не боялся их — чтобы они не сделали — существует анкер, к которому он всегда может вернуться. И тогда все! Никакого джипа, никаких братков, быть может, даже, никакой Кати.

Но они не стали действовать по правилам…

Водитель молниеносно достал из-за пояса что-то большое, отливающее вороненой сталью, и… «БАХ! БАХ!» Два выстрела слились в один, оглушив и ослепив своими яркими вспышками в темноте весеннего вечера. Первая пуля попала Кате в грудь, заставив отшатнуться назад, а вторая — довершила начатое, войдя точно в голову. Когда Слава обрел, наконец, способность видеть и осознавать происходящее, она уже мешком повалилась

на землю, а зрачок пистолета смотрел ему в лицо.

— Не надо… — прошептал он, чувствуя, как сердце сбивается с привычного ритма, словно в страхе пытаясь забиться в дальний угол грудной клетки. — Не стреляй!

Если он сейчас выстрелит — это конец. Можно забыть об анкере, о Кате… О жизни! Чтобы загрузиться, чтобы исправить все это, он должен добраться до дома живым. Остальное — не важно…

— Гепард, ты чего, о. ел? — до второго «быка», наконец, тоже стало доходить происходящее. — Ты зачем?.. Какого?…

Дико вращая глазами он не мог даже найти подходящих слов. Каким бы крутым не пытался выглядеть этот браток, смерть, даже чужая, пугала его… Но своя пугала еще больше!

Водитель, носивший благородную кличку Гепард, не раздумывая перевел пистолет на приятеля и нажал на курок.

«БАХ!»

Ни эмоций, ни шаблонных слов вроде «Свидетели нам не нужны!» — просто выстрел. Все это проникало в сознание Славы, но как-то отстраненно, как будто через глухую перегородку. Словно это не он стоял сейчас с поднятыми вверх руками, забрызганными кровью его девушки, словно не на него был направлен пистолет… Как будто смотришь кино. Точно, кино, потому что в реальности такого быть не могло.

— Мир — Матрица, Славик. — произнес Гепард, опуская пистолет и зачем-то заглядывая ему в ствол. — Люди — батарейки.

— Что? — переспросил он, словно бы впервые слышал эту фразу, ставшую крылатой.

— Что слышал, Славик. Езжай домой и загрузись. Можешь даже взять мой джип…

«БАХ!» Гепард не заглядывал в ствол пистолета — это зрачок ствола заглядывал в его глаза. Заглянул, прицелился и выстрелил… Как будто пистолет мог стрелять сам? А почему бы и нет, ведь мир — Матрица. Безжизненное тело рухнуло на асфальт почти беззвучно. Дорога, уже неоднократно обагренная кровь, проливавшейся в различных разборках и авариях, с готовностью приняла новую жертву. Словно и не было человека по имени Гепард, который только что зачем-то застрелил двоих. Словно и не было этих двоих, не было даже Славы, в ужасе наблюдающим за тем, как расплывается по мокрому асфальту темное кровавое пятно, с трудом различимое в ночи.

Мир — Матрица. Люди — батарейки.

Оторопь сошла также внезапно, как и накатила. Пришло осознание того, что нужно что-то делать, вот только что именно

— Слава пока не знал. Ему казалось, что земля уходит у него из-под ног. Всего происшедшего просто не могло быть, не просто не могло произойти с ним, как нередко думают жертвы бандитов или насильников, а не могло произойти вообще.

Эффект бабочки… Джипа не должно было быть — он появился вместо «Жигуля»… И Катя не должна была нахамить водителю — она должна была обругать его, ответить пощечину и послать его к чертям. И уж точно не должно было быть пальбы и трех тел на асфальте. И не должно было быть щемящего чувства, что бабочка — это он. Что из-за его игр с реальностью и началось ЭТО…

Нужно добраться до дома, а там — хоть трава не расти. Пусть эффект бабочки приведет к тому, что сдвинутся литосферные плиты, пусть разразится ядерная война! Пять минут на загрузку анкера, и все! Вновь будет пять часов этого дня — ясное солнце за окном и пение весенних птиц!

На ватных ногах Слава добрался до джипа и забрался за руль. До дома пешком — минут пятнадцать ходу, а он — весь в кровавых брызгах, о которых не хотелось и вспоминать. На машине он доберется минут за пять, если сумеет справиться с этим монстром — спасибо отцу, научил хоть примитивно, но рулить. Дорога пуста — еще несколько минут никто не заметит лежащих на асфальте тел, да и потом — пока вызовут милицию, пока то да се… Он успеет добраться без помех.

Мотор взревел, когда Слава, переключив ручку скоростей, чуть сильнее чем следовало, утопил педаль газа.

— Тише, родной, тише… — пробормотал он, пытаясь заставить себя чуть свободнее взяться за руль — не сжимать его до побеления костяшек пальцев.

Джип пошел ровнее, не вихляясь из стороны в сторону. Впереди заблестел свет фар и Слава, запоздало сообразив, включил аварийные огни. Медленно ползущий внедорожник, конечно же, привлечет внимание, но так, по крайней мере, есть хоть какое-то подобие логического объяснения. Раз мигает аварийка, значит что-то случилось. Не смертельно, ехать можно, так что не обращайте на меня внимания… Дорожная вежливость, как учил его когда-то отец.

Сверкая фарами ему навстречу промчался «Жигуленок». Тот самый, что несколько минут назад должен был обдать их грязью, при чем ехать он ДОЛЖЕН БЫЛ в другую сторону!

Поворот направо… Въезд во дворы. Стоп.

Слава выпрыгнул из машины, отметив, что его уже перестала бить дрожь, и ноги больше не подкашиваются под тяжестью пережитого ужаса. Он не стал ни глушить мотор, ни запирать

дверцу — если кто-то угонит этого бронтозавра — тем лучше. Впрочем, это уже не имело значения — до его подъезда было не больше полусотни метров.

Образ Кати, падающей на землю с простреленной головой, постепенно тускнел в сознании. Слава готовил себя к новой загрузке, на ходу вспоминая, как жутко и непривычно было в первый раз. Какого это, осознать, что мир — и в самом деле нечто подобное компьютерной программе, и что сохранившись, почти так, как в компьютерной игре, он может вернуться в сохраненный анкер. В первый раз было сложно заставить себя прожить дважды одни и тот же день… все приходит с опытом — этот день он проживал уже раз в двадцатый, давно сбившись со счета.

Но никогда еще день не был ТАКИМ!

И Слава надеялся, что и не будет.

Бабка вынырнула из его подъезда за секунду до того, как он ухватился за ручку двери. Не вышла, а именно вынырнула, с невероятным для ее возраста и габаритов проворством. И теперь она стояла в дверном проеме, загородив ему дорогу.

На душе шевельнулся предательский холодок. Конечно, поздний вечер, темнота, но над подъездом горит фонарь, а пятна крови, обильно украшающие его одежду, может не заметить лишь слепой. Сейчас она поднимает крик, позовет на помощь… Старый маразматик! И кто знает, не выбегут ли из соседней квартиры рослые детинушки, горящие желанием стать героями, поймав очередного маньяка-потрошителя. И никому не докажешь, что Гепард, перестреляв всех кроме него, застрелился сам. Не поверят!

Тут же в голове мелькнула мысль… Мелькнула, показав лишь свой хвостик, но от этого на душе у Славы холодок превратился в ледяной холод. Просто от того, что он мог, ПОСМЕЛ думать об этом… Раньше, чем бабка успела хотя бы открыть рот, или попытаться уступить ему дорогу (чего она, собственно, и не собиралась делать), он вдруг осознал, что самым простым выходом из ситуации было бы просто убить ее. Рубануть ладонью по шее, схватить за загривок и долбануть лбом о косяк, так, чтобы искры из глаз полетели! И все. Дорога свобода! Никаких криков, никакой угрозы быть пойманным. Так просто — убей старуху, и ты сможешь добраться до дома, чтобы вернуться к анкеру. И тогда часы вновь покажут 16:55 сегодняшнего дня. Катя вновь будет жива, даже проклятый Гепард со своим громадным пистолетом — даже он останется жив, и эта бабка, которую пришлось убить чтобы спастись. Он вернется к прежнему сохранению и все кончится.

Но он не мог заставить себя ударить ее. Не мог пойти по

трупам, даже если трупы эти просуществуют всего несколько мгновений — столько времени, сколько ему потребуется для того, чтобы добраться до квартиры и запустить программу загрузки.

«Я не могу убить человека!»

Бабка поправила очки на носу и… И волна облегчения захлестнула Славу. На ней были ЧЕРНЫЕ очки. Черные очки слепого. А палка, которую она держала в руках, не напоминала обычную трость — она была тоньше и длиннее.

— Вам помочь, бабушка? — спросил он, желая как можно скорее вывести ее из дверного проема, дабы проскочить внутрь, пока мимо не прошел кто-то зрячий. — Выходите, я посторонюсь.

— Ты веришь в Бога, мальчик? — вдруг спросила она скрипучим старческим голосом, совершенно не вязавшимся с ее тучным обликом.

Какой он ей, к чертям, мальчик? Двадцать два, как никак… Или его голос от пережитого волнения, просто стал настолько высоким, что его можно перепутать с юношеским?

— Немного, — озадаченно ответил он.

— А ты знаешь, как Господь сотворил этот мир?

Слава молчал, справедливо решив, что этот вопрос риторический, и ожидая продолжения тирады.

— Ты должен знать! — продолжила старуха, улыбаясь беззубым ртом, похожим на темный провал. — Сначала было слово…

— Да… — подбодрил ее Слава, и попытался взять под руку, чтобы помочь ей выйти наружу — эта неожиданная встреча начинала все больше и больше нервировать его…

— …И было оно два бита! — победоносно закончила старуха и хрипло расхохоталась, протягивая ему руку.

В сумерках тусклого света, который доживающий свой долгий век фонарь проливал на крыльцом подъезда, предметы казались расплывчатыми и чуточку нереальными. Слава с трудом мог различить мелкие детали, терявшиеся на общем сером, сумеречном фоне, но стоявшую прямо перед ним старуху он видел более чем отчетливо. Но теперь и она начала расплываться, словно сгусток сумеречного света. Таять, меняя свои очертания…

— И отделил Господь единицу от нуля, и увидел он, что это хорошо! — прокаркала старуха, продолжая тянуть к отступающему Славе странно удлинившуюся руку.

Нет, это была не рука! Толстая черная змея, сливающаяся с цветом ночи, выползающая из ее рукава. Слава в ужасе ударил ее кулаком наотмашь, отскакивая назад, словно от прокаженной. Да так оно и было — изо рта старухи кошмарным водопадом струились извивающиеся белые черви. Черная змея и белые

черви… Контраст в сумеречном свете… Жуткий контраст.

— Мир — Матрица, мальчик! — прошамкала она, давя белую мерзость распухшими за долю секунды губами. — Проходи милок, не стесняйся. Я не обижу… И мои маленькие змейки — тоже!

Ее ноги больше не были ногами — два туловища громадных змей, чуть покачивающихся под тяжестью того, что они удерживали на себя. Жуткого клубка змей, венчаемого гротескной пародией на человеческую голову. Змеиные головы показывались отовсюду — из-за воротника осеннего пальто, одетого на старухе, из рукавов, из-за пазухи… Десятки змей различного размера и окраса.

— Мир — Матрица, — прошамкала она. — Так, кажется, вы любите говорить. Мир — Матрица, люди — батарейки…

Добраться до дома любой ценой. Положить конец этому кошмару! Загрузиться, просто чтобы это прекратилось… Слава сделал робкий шаг вперед, стараясь не смотреть на шевелящуюся мерзость на губах стоявшего перед ним существа.

— Проходи, милок, не трону. Иди и загрузись! Ты, ведь, боишься меня, не правда ли? Хочешь попасть в свою квартирку и нажать, наконец, на «Enter»? Я тебя понимаю, касатик ты мой! Ну так проходи! Давай!

Еще шаг вперед, навстречу извивающемуся клубку змей. Странно, но ни одна из них не шипела — твари просто обвивались одна вокруг другой, поигрывая своими кольцами и не сводя черных бусинок-глаз с его лица.

«Это все не настоящее! У меня просто галлюцинации… Видения…»

— Небось думаешь сейчас, что я не настоящая? — Хищно улыбаясь спросила карикатура старухи. — Что я глюк, да? А может я — вирус какой? Червь!

Последнее слово она выкрикнула, выбросив из себя несколько десятков беловато-желтых червей, тут же нашедших пристанище на лице и голове Славы.

Он коротко, по девчачьи, взвизгнул, отряхивая с себя эту дрянь, и бросился вперед, мимо старухи — сломя голову кинулся в подъезд и, перепрыгивая через четыре ступеньки, помчался наверх, на свой этаж.

«Всего этого нет! Это мираж! Видение! Вирус!»

Но копошащиеся в волосах черви служили лучшим доказательством реальности происходящего. Они, да еще жуткий смех старухи, гремящий ему вслед.

— Беги, касатик! Беги! Загрузись. А потом еще раз и еще! Я нашла тебя один раз — найду и второй… Ты только не бойся,

касатик. Я не обижу!

Слава ворвался в квартиру, на ходу отряхивая голову от белой мерзости, застрявшей в волосах. Сердце билось в груди так, словно вознамерилось пробить себе дорогу наружу, а ноги отказывались подчиняться своему хозяину — не то от сумасшедшего бега на восьмой этаж, не то, что более вероятно, от воспоминаний о клубке змей, принявшем некое подобие человеческой фигуры.

Отец и мать о чем-то переговаривались в своей спальне и затихли, услышав как он, часто дыша и с грохотом задевая мебель, не разуваясь, вбегает в свою комнату.

— Славик, ты? — спросила мать.

— Я, мам, — отозвался он, стараясь хоть ненадолго придать голосу некое подобие нормальности. — Я ненадолго. Кое-что нужно срочно найти в «Интернете», ребята попросили.

— Как это ненадолго? — воскликнул отец. — Время пол одиннадцатого, а тебя где-то носит!

— Пап, я быстро. Сейчас только найду, сбегаю до соседнего подъезда, и домой.

— Ладно уж, — смягчился отец, — Мог бы, хотя бы, зайти к нам, хоть поздороваться…

«Ага, чтобы вы увидели своего сына забрызганного кровью, с выпученными от ужаса глазами и облитого какой-то дрянью…»

— Да ладно тебе, — в пол голоса рассмеялась мать, видимо, в шутку журя отца. — Скажи спасибо, что он еще не вваливается домой с очередной девкой и с ходу не требует: «Мать! Постель и пожрать!» А то бывает и такое…

— Попробовал бы он!..

Дальнейшего разговора Слава не слышал. Он уже сидел за компьютером, монитор которого постепенно оживал, выдавая изображение рабочего стола.

К загрузке готов!

Два клика мыши и на экране развернулся старый добрый Internet Explorer, а модем надсадно захрипел, пробиваясь сквозь десятки и сотни таких же звонков, во всемирную паутину. Минута, другая… Тяжело работать на аналоговой линии, но кто же знал, что придется работать в такой спешке. Давно бы провел домой оптоволокно, не пожалел бы денег.

Есть коннект! Дрожащими пальцами Слава набрал на клавиатуре адрес своего сайта, на котором он хранил программу-загрузчик и фото-анкер. Секунду-другую ничего не происходило — проклятая аналоговая линия не желала выгружать на экран его компьютера то, что таилось в дебрях «Интернета», а затем монитор вспыхнул разноцветными красками — загрузилась и

принялась добросовестно отрабатывать вложенное в нее время программа, названная просто и без затей «Гипнотиком».

Мир вокруг померк… Сосредоточившись на разноцветном сиянии огней Слава ощущал, как его тело словно растворяется в пустоте, а разум проникает туда, где ему быть не положено. Туда, где сотнями гнездятся лишь различные разновидности файлов и каталогов, где нет дорог, зато есть http и ftp и где время измеряется пройденными мегабайтами. Виртуальность!

Сквозь ватную пелену в ушах, сквозь ощущение безмятежности и покоя от осознания того, что загрузка уже началась, вдруг прорвался чужой звук — грохот распахиваемой двери. Кто-то со всего маху влетел в квартиру, шибанув ее плечом…

«Я же не закрыл дверь…» — как-то отрешенно подумал Слава. Все глубже и глубже проваливаясь в виртуальность, но все еще продолжая ощущать материальный мир. Ощущение опасности было ирреальным, невозможным… Он уже здесь, уже в мировой сети… И никакая змееподобная старуха не доберется до него здесь.

Кто-то ворвался в комнату. Кто-то кричал «Нет!», кто-то отрешенно констатировал «Опоздали»… Звуки из реального мира все с большим трудом долетали до Славы. Он был в сети…

Звуки растворились в безграничной тишине. На плечи навалилась тяжесть информации, миллионами бит прокачиваемой через телефонные сети мира ежесекундно. И где-то среди всего этого он должен был найти свой анкер… Но он знал направление — он уже на том сайте, на котором лежит его файл. Он внутри сервера!

Прямо перед ним среди серой пелены, в которой не было ни границ ни форм — лишь отблески искорок коннектов да обрывки образов загружаемой информации, он не видел — ощущал дорогу. Путь к своему файлу с jpg-овским анкером. А сзади… Сзади вновь, в который уже раз, подкатывал холодок. Как будто громадный удав сфокусировал свой гипнотический взгляд у него между лопаток и, напрягая все силы, шлет ему мысленный приказ: «Обернись!» «Обернись, чтобы я мог взглянуть в твои глаза!» «Обернись, чтобы я мог подчинить тебя своей воле!» «Обернись, чтобы я мог поглотить тебя…»

Слава шестым чувством ощущал этот взгляд и даже предполагал, кому он может принадлежать. Виртуальности! Он был здесь чужим. Живым существом среди искусственных интеллектов. Астральным телом среди электронных образов… И Виртуальность хотела подчинить его себе!

Быть может это были всего лишь фантазии, но каждый раз, входя в виртуальность он чувствовал, что обратной дороги нет — она перекрыта этим самым удавом, чудовищным боа-констриктором, и если когда-нибудь что-то случиться с его анкером, возвратиться обратно, в то, что секунду назад было настоящим, он не сможет. Да сейчас, собственно, он и так не мог — за дверью той реальности его ждали мертвые тела Кати, проклятого Гепарда и его подельника и, что самое страшное, старуха, про которую вообще нельзя сказать, живая она, или нет.

«А может я вирус какой?» — вспомнил он ее слова и содрогнулся. Если в реальности водятся такие вирусы, то что может подстерегать его здесь, в виртуальности? В мире, где он чужой…

Серая мгла всколыхнулась перед ним, и впереди вдруг возникло колышущееся, повисшее в воздухе, изображение анкера. Его комната, посудный шкаф, сувениры, стоящие на его полке… И он сам, с улыбкой смотрящий в объектив фотоаппарата.

Еще несколько шагов, несколько мегабайт информации, которые проскользнут под его ногами подобно песчинкам там, в реальном мире. Еще несколько шагов и он снова в реальности, загрузка закончится и все события этого жуткого дня так никогда и не произойдут. Как в анекдоте: «Слышь, а Васю грузовик переехал… — Прикольно, блин! А он хоть сохранился?!»

Он сохранился. Он открыл этот способ. Он пользовался им уже не раз.

Но всякий раз панически боялся обернулся. Боялся того, что подбирается к нему за спиной…

Картинка, размером с рекламный плакат на кинотеатре, колыхнулась навстречу, когда Слава сделал к ней последний шаг. Анкер принял его. Узнал по одному ему ведомому паролю — этого процесса Слава никогда не понимал, равно как, собственно, он никогда толком не понимал и того, что создал — не понимал работы программы-загручика. Знал, что она делает, знал, какая последовательность команд приводит к этому, но не имел ни малейшего понятия, КАК он ухитряется возвращаться в уже прожитый день. Сохраняться, словно в компьютерной игре.

Да это и есть игра, только имя ей — жизнь.

Серость виртуальности медленно растворялась в ярком солнечном свете, струившемся из окна его комнаты. Слава потряс головой, прогоняя остатки сумрака и вновь приноравливаясь видеть перед собой реальный мир, а не сгустки информации, текущие по своим каналам.

Он был дома!

Переведя взгляд на часы он констатировал привычное 16:55

— время, в которое он возвращался уже много раз. С монитора на него глупо таращился выдвинутый объектив цифрового фотоаппарата, только что запечатлевший его на свою ПЗСМ…

Дальнейшие манипуляции, которые следовало произвести после очередной загрузки, Слава выполнил на полном автопилоте. Загнать файл с фотоаппарата в компьютер, объединить его с программой-загрузчкиом и закачать все это на свой сайт… Теперь он в любой момент мог вернуться в тот самый миг, когда щелкнул затвор фотоаппарата, останавливая мгновение и превращая его в совокупность битов, поименованных как anker.jpg…

Все это заняло не больше десяти минут.

Подключая необходимые разъемы и набирая команды на клавиатуре, Слава ни на секунду не мог забыть о событиях прошедшего дня. Дня, который для него теперь только-только начинался…

Эффект бабочки: меняешь одно — меняется все. Что такого он изменил, что спровоцировало этот бедлам? Сумасшедший блеск в глазах «бычары» Гепарда, выпускающего пулю себя в голову, проклятая старуха, встретившая его у подъезда… Что это, вообще, было? Галлюцинация, навеянная происшедшим? Но тогда следует считать галлюцинацией и Гепарда, который хоть и не выглядел столь жутко и фантастически, но делал столь же невозможные вещи, укладывающиеся в определение «Так не бывает!»

С чего все началось? По большому счету все началось с Кати. С этой очаровательной девушки, случайно встретившейся ему на пути… С того, что ради нее он уже черти-в-какой раз возвращался в этот миг, чтобы провести с ней идеальный день. День сурка, черт бы его побрал! Вот только в фильме все закончилось блестяще — Мюррей сумел, таки, прожить этот самый идеальный день, а он — пока нет.

Слава тяжело опустился в кресло, ощущая усталость во всем теле и в собственных мыслях. Только сейчас он осознал, что не спит вот уже больше двадцати дней! Вот и ответ на вопрос, давно уже мучающий ученых — что в человеческом организме нуждается во сне — тело, или разум… Два десятка раз загрузившись и не разу не ощутив усталости он, теперь, однозначно знал, что отдых необходим лишь телу.

Впрочем, почему однозначно? Ведь он не знал толком, что происходит с его разумом после загрузки. Он переносил себя в начало уже прожитого вечера, и оказывался в этом моменте времени, помня все то, что пережил за последние несколько часов. Тело оставалось таким, какое он фотографировал для

фото-анкера — Слава специально проверял это, однажды серьезное порезав руку перед загрузкой. После загрузки пореза не стало…

По идее, проводя аналогию с загрузкой в игре, он должен был вернуться, не зная, что пережил до загрузки. Вернуться в свое прежнее тело с прежней памятью. Если в игре герой погибает в бою, то после того, как геймер загружает предыдущее сохранение, опыт, очки ударов и т. д. героя остаются теми же, что были до рокового боя. Герой игры не знает о том, что геймер только что спас ему жизнь, вернув в прошлое… При этом человек, сидящий за монитором, получает полную информацию о происшедшем… Он получает опыт, который выражается не очками в игре, а чем-то другим, не до конца ясным даже ему самому. Геймер теперь знает, каким ударом был убит его герой в игре, какого противника стоит избегать, пока не накопишь сил для решающего боя с ним…

Чертовщина! Так кто же он? Геймер, или герой игры, именуемой жизнью? Или загрузка в реальности, а не в игре, подразумевает объединение этих двух понятий?

Выругавшись он вновь посмотрел на часы. 17:20. В семь вечера он должен встретить Катю у памятника Ленину… если он собирается сделать это, то пора бы уже собираться…

Идти, или не идти? Куда уж там Гамлету с его «Быть или не быть» — несчастный датский принц не знал, что чисто теоретически может смаковать убийство своей матери, каждый раз после этого возвращаясь на несколько часов назад. «Чисто теоретически» — только потому, что во времена Шекспира Билл Гейтс еще не сплагиатил у оставшегося неизвестным русского программиста идею всплывающих окон и не создал своих проклятых «Форточек». Ну и еще потому, что Гамлет не знал ни HTML'я, ни JavaScript'ов, ни даже кажущегося теперь безнадежно устаревшим Pascal'я.

Самое логичное, если не знаешь на что решиться — это мысленно прокачать плюсы и минусы той или иной ситуации.

Идти?

Память услужливо подкинула образ Катиной улыбки, звук ее мелодичного смеха, легкое касание ее руки, ложащейся ему под локоть. Глупо было отрицать, что он безнадежно влюблен…

Что он знал о ней? Да практически все. За множество загрузок он изучил ее практически досконально — ее жесты, мимику, увлечения, сокровенные мысли… Не мог он понять только одного — приступов раздражительности, порою случавшихся у нее. Она могла с улыбкой пропустить шпильку о

том, что все бабы — стервы, парировав это аналогичным женским утверждением, но в то же время — отвесить ему звучную пощечину за стародавнюю студенческую шутку о том, что «Ума нет — иди в пед. Совести нет — иди в мед». Подобных примеров было ровно столько, сколько раз Слава загружался — каждое их свидание рано или поздно заканчивалось чем-то подобным. И это делало ее еще более привлекательной в его глазах. Девушка загадка…

Слава чувствовал, что не сможет без нее…

Но коварная память тут же подбросила порцию новых образов — Катя, падающая на грязную землю у обочины с простреленной головой. Гепард, всаживающий пулю себе в голову. Старуха у подъезда, которая… Черт, б этом даже вспоминать не хотелось.

А что, если бы он вчера не успел? Не смог бы загрузиться? Что тогда?

Если в компьютерной игре геймер забывает сохраниться, то есть оставить анкер, к которому он мог бы вернуться в последствии, и, не имея сохраненной игры ввязывается в тяжелый бой? Его герой погибает. Погибает безвозвратно! Быть может его можно воскресить а, быть может и нет — все зависит от правил каждой конкретной игры. В этой игре, в жизни, воскрешение не было предусмотрено Всевышним разработчиком.

Эффект бабочки, черт бы его побрал!

Что же он изменил тогда?

Внезапная догадка пронзила сознание — а что, если он изменил что-то не в ту, последнюю загрузку? Что, если эффект бабочки начался того самого момента, когда он загрузился в первый раз? Если жизнь — программа, если мир — Матрица, а люди — батарейки, как говорили Куваевские герои, то это не червивую старуху следует считать вирусом, а его!

Программа выполнила допустимую операцию, но по привычке будет закрыта.

Что сделал он? Выполнил операцию, не предусмотренную теми, кто создавал жизнь!

Слава перевел взгляд на свой компьютер… Что делает «Форточка», когда в ней происходит сбой? Естественно, зависает к чертовой бабушке.

Зависшая жизнь…

Бред! Бред сивой кобылы!

Он рывком поднялся с кресла и направился на кухню. Нет, он не поедет навстречу с ней. Плевать на зависающую жизнь. Если мир — Матрица, если те, кто разработал ее, кем бы они не были, могли допустить такую ошибку в программе — плевать он хотел

и на этих ламеров-программеров и на саму программу. Но что, если глюки в системе, назовем их сбоями в жизни, вновь приведут к гибели Кати? Что, если по каким-то причинам он не сможет загрузиться после этого? Тогда она, как герой в компьютерной игре, умрет безвозвратно?

На долю секунды в голове мелькнула шальная мысль: «Если я научился сохраняться, то почему бы мне не освоить и воскрешение? Изменение свойств объектов программы?», но Слава тут же прогнал ее прочь. Да, он освоил загрузку, но это пришло на чисто интуитивном уровне. Да, программа-загрузчик была простой как отечественный валенок, а «Гипнотик» он написал в «Делфи» от нечего делать, понятия не имея что эта программа, выдающая на экран разноцветные круги, и в самом деле сможет погрузить кого-то транс. А уж что этот транс — забросит его в виртуальность, всего лишь если загрузить «Гипнотик» из сети — ему и в кошмарном сне не могло присниться.

Время тянулось медленно. Пять тридцать, шесть часов… К шести с копейками вернулась с работы мать, похвалила его за то, что даже в свои двадцать с хвостиком он так и остался заботливым сыном, даже приготовил ей поесть. Хотя ничего хитрого в том, чтобы нажарить картошки, дабы хоть немного отвлечься от тяжелых мыслей, не было. Когда часы на Славином столе бодро откукарекали семь вечера и он, в очередной раз проклял себя за то, что не стоит сейчас на площади Ленина, пришел отец. Тоже восторгался по поводу ужина, правда не мог удержаться от обычной ехидной реплики, что даже поесть его сын готовит также, как пишет свои многочисленные программы — вдумчиво и логически, что не всегда приводит к положительным результатам. Намекал на случай, когда Слава подсыпал в суп сахар, вместо соли, при чем в солидных количествах. Что, мол, у этих двух веществ программные коды совпадали? Слава беззлобно ворчал в ответ, что отцу, который последний раз программировал лет десять тому назад на допотопном программируемом микрокалькуляторе, будет сложно понять, что это было действительно так. Просто кто-то поставил сахарницу на место солонки и Слава, делавший все на автопилоте, как и сейчас, действительно перепутал коды, так сказать, местоположения двух объектов.

Сейчас у него и в самом деле включился автопилот… Наверное, он есть у каждого, и используется тех случаях, когда нужно либо добраться домой, будучи вдребезги пьяным, либо просто забыться, будучи вдребезги трезвым. Кстати, может быть это как раз подходящий случай, чтобы выпить чего-то покрепче

пива? Должно помочь. Но спиртного в доме нет, а на улицу выходить страшновато.

На автопилоте Слава засел за какую-то компьютерную игрушку — симулятор мотогонок. Получалось плохо — его мотоцикл вечно сносило с трассы, а сохраняться он не хотел принципиально. Уж если мухлюешь в жизни, то хоть в игре нужно играть честно.

Паршивое оправдание…

Не смотря на прочный заслон, в сознание все равно пробивались мысли о заглючившей жизни, о зависшей Матрице… Черт знает что! До чего же раньше было просто! Он не задумывался о том, что происходит во время его загрузки, не задумывался о том, как это вообще возможно — вернуться в уже прожитый день. Просто как-то спокойно и отрешенно принял для себя как аксиому, что братья Вачовски не врали, снимая свою шедевральную «Матрицу».

В который раз уже на ум приходили слова героя Куваевского мультфильма «Шесть с половиной»: «Мир — Матрица. Люди — батарейки.» И если во вторую часть цитаты верить как-то не хотелось, то с первой все было просто и понятно.

Теперь же эта простота исчезла… Растворилась без следа.

Мотоцикл в очередной раз съехал с дороги и намертво застрял в песке. Вежливый, как Ганнибал Лектор компьютер тут же предложил начать игру заново…

К черту!

— Куда? — переспросил стоявший в дверях отец, и Слава понял, что высказал эту мысль вслух.

— Да игра что-то не играется! — с рисованной бодростью ответил он.

— Славик, ты какой-то сам не свой сегодня, — проигнорировав его фразу сказал отец, — Целый день сидишь за своим компьютером…

— Я всегда за ним целый день сижу.

— Да, но, как правило, ты не играешь. Я редко тебя вижу за этим занятием… Обычно ты что-то усердно пишешь, какие-то матерные слова на своих языках…

— Не на моих, а на языках программирования, — машинально ответил Слава. — Тебе бы тоже не помешало научиться. Архитектор, не знающий компьютера — это уж через чур в современном мире.

Разговор в таком ключе бывал у них уже не раз. Отец считал все работы на компьютере безнадежной суетой и поэтому принципиально отказывался освоить даже явно полезные для него компьютерные программы, и усердно вычерчивал все свои

проекты вручную, нередко сутками просиживая за громадными листами А0, вместо того, чтобы за пару часов набросать их в «AutoCAD'e».

— Ничего, касатик мой, мне так как-то привычнее.

Славу передернуло не столько от знакомого слова, сколько от того, каким тоном оно было произнесено. Отец сказал «касатик» с точно такой же интонацией, что и существо, поджидавшее его вчера у подъезда.

— Слав, что с тобой? — спросил отец, очевидно заметив непроизвольную дрожь, пробежавшую по его телу.

Слава чувствовал, как волосы на его затылке начинают шевелиться от ужаса.

Эффект бабочки!

Опять!

Отчего! Он же ничего не менял!

— Да так, ничего, пап… — с усилием произнес он. — Просто интересно, откуда ты раскопал это слово. Где-то услышал, или как?

— Какое слово?

— Касатик мой. Так обычно говорят древние старушки, которые старше тебя лет на сотню…

— Касатик? — отец задумчиво поднял глаза к потолку. — Я так сказал? Странно, я и не заметил. А слово действительно интересное… Касатик. Касатик… касатик…

Он произносил это слово на разный манер, словно смакуя, а затем вновь повернулся к Славе и сделал шаг к нему.

— Слушай, сынок, мне тут, на днях, на работе одну шутку рассказали, так я не понял ровным счетом ничего. Может ты мне объяснишь, что все это значит — это, наверное, из вашей, молодежной среды…

— Что именно? — спросил Слава, глядя отцу в глаза, и понимая, что хоть внешне ничего и не изменилось, взгляд был другим. Не таким, как раньше… Как с Катей, когда она выкрикнула оскорбление вслед удаляющемуся джипу.

— Да бред какой-то — мол, в одном мультфильме мелькнула фраза… Дай-ка вспомнить, касатик мой…

И снова та самая интонация.

— Мир — Матрица. Люди — батарейки, — срывающимся голосом закончил за него Слава. — Так?

— Да, так, — удивился отец, и в ту же секунду его взгляд вновь неуловимо изменился, стал прежним. Его настоящим взглядом… — Так что это означает?

— Ты прав, пап, это из молодежной среды, — стараясь не выдать страха, грозившего перейти в панический ужас, ответил

Слава. — Это будет сложно объяснить…

— Да?.. — отец выглядел растерянным, словно человек, который ночью вдруг проснулся не в своей постели а в соседней комнате, гадая, как же он сюда попал. — Ну и ладно…

Трель дверного звонка заставила Славу подпрыгнуть. По спине вновь разливался холодок дурного предчувствия.

— Слав, сходи, открой, — ненавязчиво предложил отец, и тон его голоса тут же вновь стал другим. — Наверняка это какая-нибудь милая старушка.

— П-почему? — Слава поднялся с кресла, чувствуя, что ноги не желают нести его к двери. Более того, он бы с куда большим удовольствием сам унес отсюда ноги, если бы было куда. Если бы рядом не стоял отец, в то же время не являющийся его отцом. Его как будто подменили… — Почему ты так думаешь?

— Не знаю, — голос вновь был прежним. — Просто пришло в голову… Сам не знаю, почему.

Каждый шаг к двери давался с трудом. Не открывать? Попросить открыть отца? А что, если он вновь станет не собой? Закричать, упасть на пол и забиться в судорогах? Кричать, чтобы вызвали скорую и милицию, а за компанию, тогда уж, самого Касперского, отлавливать вирусы, бродящие по городу?

Жизнь не просто зависла, жизнь рушилась, словно давно не чищенный «Windows»!

Слава заглянул в глазок, ожидая увить все, что угодно. Змеиную голову, лицо старухи, Гепарда, направляющего ему в лицо пистолет. Все, что угодно, но только не это.

За дверью стояла Катя!

Слава не помнил, как открыл дверь — его руки сделали это за него.

— Привет, — просто сказала она. Именно она — сейчас она была собой. Этот взгляд, это лицо, этот нежный голос он узнал бы из тысячи. И легко почувствовал бы подвох.

Интересно, а в жизни вирусы умеют маскироваться под безобидные файлы типа Word'a или чего-нибудь еще?

Нет. Так далеко он не мог зайти в своих гипотезах. Перед ним стояла Катя. Чуть-чуть грустная, чуть-чуть уставшая, но живая, реальная, настоящая.

— Привет… — запоздало пробормотал он.

— Привет, — повторила Катя, и в глазах ее блеснула легкая злость. Ее злость. Настоящая.

— Привет. — Бездумно повторил Слава.

— Может быть, ты все же предложишь мне войти, или мне сейчас развернуться и уйти восвояси?

— Конечно-же, заходи.

Он посторонился, уступая ей дорогу. Ее не могло быть здесь, но в то же время она была реальной.

— Прими у дамы плащ, — недовольно буркнула она, поворачиваясь к нему спиной и жестом, не требующим комментариев, подернула плечами. Мол, снимай, джентльмен хренов.

— Ну? — продолжала она, снимая сапоги, — А теперь ты, наверное, объяснишь мне, почему так и не дождалась тебя там, где мы договорились встретиться?

— Прости… — пролепетал Слава. — Я не смог придти.

— О, у нас гости! — воскликнул отец, появившись, вдруг, из комнаты. Машинально Слава подметил, что он вновь был самим собой, без налета ирреальности в глазах, без холодка в голосе. — Славик, ты нас познакомишь?

— Конечно… — тихо ответил Слава, чувствуя себя парашютистом, в полете вдруг обнаружившим, что за спиной у него рюкзак с яблоками. — Катя, это мой отец, Николай Георгиевич.

Катя тактично склонила голову, не то кивая в знак того, что информация принята, не то отвешивая легкий поклон его отцу. Словно аристократка голубых кровей на светском балу.

— А это… — теперь Слава говорил уже для отца, — Это Катя…

— Девушка этого обормота, — с улыбкой, которая, впрочем, предназначалась только отцу, но никак не самому Славе, закончила за него Катя.

— М-да, вырос сынок, — улыбнулся отец, — Пора мотоцикл покупать…

Катя весело рассмеялась заезженной шутке, затем появилась мать, которая также была представлена Кате и пригласила ее к столу на чашку чая. Родители настаивали, Катя вежливо отказывалась, кидая на Славу взгляды, в которых с каждой секундой чувствовалось все больше раздражения… А он так и стоял с ее плащом в руках, безуспешно пытаясь заставить себя выдавить хоть слово. Казалось, что мир мчится мимом него. Что все это происходит не с ним, а с героем кинофильма, который он просматривает в этот момент…

— Пап, мам… — он, наконец, очнулся от состояния отрешенности от всего мира, — Катя ко мне зашла, собственно, не просто так, а по определенному делу. Так что можно мы сейчас немного посидим, поговорим, а уж потом коллективно решим, поужинает она с нами, или нет.

В самом деле, словно на светском балу. Госпожа Екатерина, а не соизволите ли Вы с нами отужинать? Впрочем, светские

манеры он заменил в Кате отнюдь не только сейчас. Голубая кровь угадывалась в ней сразу… Ну, если и не голубая кровь, то, по крайней мере, хорошее воспитание, от которого так далек был программист из семьи советских рабочих.

Родители, наконец, сдались и они с Катей благополучно проследовали в его комнату.

— Мне казалось, ты так и не предложишь нам пройти, — в полголоса сказал она. — Стоял, как столб…

— Я и был столбом, — также тихо ответил Слава. — Лучше скажи мне, откуда ты узнала мой адрес?

— А ты хочешь сказать, что изначально все было задумано вовсе не так? — взвилась она, смерив его полным ярости взглядом, — Что ты не специально подложил мне в сумочку свою визитку, что ты и в самом деле собирался придти сегодня на свидание? А я думала, это у тебя способ проверки девушки такой — решительная она, или не очень? Приедет она прямо к тебе, или не решится? Так вот, я решилась!

Слава окончательно перестал понимать происходящее. Эффект бабочки… На День сурка этот сумасшедший дом больше не походил.

— Да о чем ты? Какая визитка? У меня ее отродясь не было… И я правда собирался придти… — он чуть было не брякнул «Да я приходил!», — Кабы не…

Он запнулся, не зная, что сказать дальше. «Да, я собирался придти, и пришел бы, потом что люблю тебя до безумия, так как вот уже, наверное, три недели, как мы встречаемся с тобой каждый день… Только для тебя этих трех недель не было, потому что я каждый раз загружался… И я пришел бы, кабы жизнь не заглючило, на улице на меня не напал бы вирус, а тебя не убил бы ополоумевший бритоголовый браток на „Джипе“, которые приехал вместо „Жигуленка“, потому что Бредбери был частично прав, говоря о своем эффекте бабочки!» Бред…

— Так почему ты не пришел?

Катя сидела на диване, и что-то искала в своей сумочке. В ее взгляде больше не было ярости оскорбленной женщины… Она не сбиралась отвешивать ему пощечины, плевать в лицо, как сделала однажды…

В Славиной голове словно что-то щелкнуло. Вот она! Настоящая Катя. И все те разы, пока они сидели с ней в кафе и пили колу, она была настоящей… Кроме тех моментов, когда впадала в необъяснимые вспышки гнева, когда кидалась в него картофелем-фри, крыла отборным матом и уходила прочь, провожаемая взглядами удивленных посетителей кафе или прохожих. В такие моменты она переставала быть собой, как

сегодня отец, вдруг вспомнивший Куваевскую поговорку о мире — Матрице.

Эффект бабочки начался не в прошлую загрузку, а гораздо раньше, когда он только встретил ее!

— Слава, что с тобой? — спросила Катя, помогая ему усесться рядом с собой на диван. — Ты побледнел…

Он не ответил, роясь в памяти. Вспоминая их встречи…

Почему он загрузился в первый раз? Ведь тогда все прошло гладко, без киданий подносами и прочих атрибутов дня открытых дверей в сумасшедшем доме. Он сидели в кафе, болтали, а потом он проводил ее до дома. Обычное свидание двух только что познакомившихся молодых людей… Ничем не примечательное, за исключением того, что он влюбился в нее, а она в него — нет.

Что мог предложить хорошо воспитанной девушке бедный программист, который гораздо лучше владел различными ассемблерами, чем русским языком? Он пришелся ей по душе, но не более того. Она вряд ли сочла его достойной парой себе…

Что мог предложить ей бедный программист, по чистой случайности создавший программу, позволяющую, фактически, путешествовать во времени?

Он мог стать ее второй половинкой, предугадывающей каждый ее шаг. Человеком, знающим о ней все…

И он стал им. За первой загрузкой последовала вторая, за второй — третья… Он возвращался три или четыре раза, с каждым новым возвращением узнавая о ней все больше и больше. И он чувствовал, как это находит отклик ее душе, как она тянется к нему — возможно, единственному человеку в этом мире, который мог понять ее тонкую натуру.

Когда все пошло наперекосяк? На четвертый раз? На пятый? Слава не помнил. Просто начиная с определенного момента она, вдруг, иногда становилась сверхраздражительной, если не сказать стервозной.

Точнее, как он понимал сейчас, она просто переставал быть собой.

— Слава… — в ее голосе была не шуточная тревога. — Что с тобой?

— Не знаю… — прошептал он, чувствуя, как гулко бьется в его груди сердце. — Катюш, я теперь и сам не знаю, почему я не пришел.

— А зачем ты подложил мне свою визитку? — теперь в ее голосе не было закономерной злости на парня, не пришедшего к ней на свидание. — Ты, ведь, хотел, чтобы я пришла к тебе?

— Я ничего тебе не подкладывал! У меня вообще сроду визиток не было!

— Ну как же? — растерянно спросила она, протягивая ему черную пластиковую карточку с золотым теснением объемных букв.

«Зубов Вячеслав Николаевич»… Чуть ниже значилось гордое «Программист. Разработка софта, установка и настройка любых приложений, монтаж сетей…» дальше шел e-mail, URL, домашний адрес и телефон.

— Я еще удивилась, — словно прочитав его мысли сказала Катя, — Ну кто пишет на визитке домашний адрес? Но логически рассудила, что ты, наверное, просто работаешь на дому. А вот девиз мне понравился — я тоже смотрела «Шесть с половиной»…

В верхней части визитки все теми же золотыми объемными буквами, только курсивом, было написано «Мир — Матрица. Люди — батарейки». От чего-то Слава не удивился, увидев эти слова…

— Это не моя визитка, — тихо сказал Слава, передавая ее обратно Кате. — И я уж точно не подкладывал тебе ее в сумку.

— То есть как, не твоя? — сказать, что она была удивлена — значило бы ничего не сказать. — Тогда кто же ее сделал, и как она попала ко мне? Я подумала, что ты ее подложил тогда, в такси…

— Что я и не собрался приходить на встречу, да? Что я надеялся, что ты сама приедешь ко мне?

— Ну… Примерно так я и подумала.

— Катюш, я программист, компьютерщик… Я мыслю логически, пусть и торможу, словно старый «Макинтош», поэтому я никогда не полагаюсь на удачу по принципу «приедет — не приедет», познакомившись с такой девушкой, как ты.

Она чуточку покраснела от сам собою вырвавшегося комплимента, но Слава не обратил на это внимания.

— Ты скажи мне, лучше, когда ты ее нашла? Визитку, в смысле?

— Ну… Ближе к вечеру. Она лежала в самом верху сумочки, я еще поразилась, как я раньше ее не заметила.

— А до того ты в сумочку заглядывала, и не раз, не так ли?

— Ну… Да. Деньги доставала, ручку… Много чего.

— То есть можно предположить, что визитка появилась там позже, после пяти часов…

Катя смотрела на него, словно на сумасшедшего.

— Да как бы она там оказалась?

— Вот и я о том же…

— Ты вообще меня слышишь?

Он слышал, и даже хотел ответить, но не успел, так как в комнату, бесцеремонно, без стука, вошел отец.

— Касатики мои, пойдемте, чайку попьем… А то уже поздно, кошки на охоту вышли… Вон как летают…

Катя оторопело смотрела то на него, то на Славу, в ее глазах явственно читался вопрос: «Интересно, у них тут вся семья ненормальная, или они просто так удачно притворяются?»

— Сейчас придем, пап, — сам удивляясь своей невозмутимости, вполне спокойно ответил Слава. — Минут через пять.

— А больше и не нужно, — чужой, незнакомой улыбкой улыбнулся отец и закрыв дверь зашагал на кухню.

— Не поняла… — сказала Катя. — Это у вас что, свой личный код такой? Секретные фразы, которые понимаете только вы?

— Хотелось бы, чтобы это было так, — с обреченностью идущего на казнь ответил Слава. — Но я понятия не имею, о чем он.

— А я, кажется, имею… — прошептала Катя, указывая рукой на окно.

За окном висела кошка. Самая обычная кошка, сиамской породы, в которой не было ничего необыкновенного, кроме, разве что, той незначительной мелочи, что она висела за окном восьмого этажа, по-паучьи распластавшись по стеклу.

— Слава, ты на каком этаже живешь… — спросила Катя, делая шаг к окну.

— На восьмом, — ответил он, крепко стискивая ее плечо и заслоняя ее от окна. — Не подходи к ней. Мало ли…

— Что, «мало ли»? — с нотками истерики в голосе спросила она, — Там, за окном, кошка. Я не знаю, как она туда попала и за что держится, но ее нужно вытащить, пока она не упала вниз.

— Катя, ты не понимаешь… — он запнулся, не зная, как объяснить ей, чем является милая киса, цепляющаяся за его стекло. Не говорить же, что эта кошка — опасный вирус, проникший сюда из виртуальности, что таким же вирусом заражен и его отец… Да что отец — визитка в ее сумочке, это тоже проявления эффекта бабочки. Нет, вируса бабочки!

— Чего не понимаю?

Она вырвалась из его рук и шагнула к окну, и в этот момент кошка, до того спокойно взиравшая на ни, вдруг с размаху ударила головой о стекло.

— Боже! Что она делает? — взвизгнула Катя, видя, как вслед за стеклянными осколками в пространство между рамами втекает и сиамка, совершенно не обращая внимания на то, что острые края пробитого ей отверстия заживо сдирают с нее шкуру.

Новый удар, теперь уже изнутри окна. Находясь между двумя стеклами кошка не могла как следует размахнуться головой,

чтобы пробить и второе стекло, но все равно Слава поразился силе этого животного. По стеклу поползли широкие трещины…

От следующего удара стекло с яростным звоном вывалилось целиком. Последняя хлипкая преграда между ними и обезумевшим животным. Впрочем, почему животным? Ощущение вируса бабочки ни на секунду не покидало Славу. Эта кошка была такой же кошкой, как клубок змей и опарышей был старухой, с которой он столкнулся в пошлый раз.

Кошка, чуть прихрамывая, выбралась на подоконник и отряхнулась, разбрасывая вокруг себя мелкое стеклянное крошево и капли крови, обильно сочившейся из ее многочисленных ран.

Неестественность… Ирреальность… Эта кошка отряхивалась, словно собака, выбравшаяся из воды.

Слава схватил со стола первое, что попалось ему под руку — канцелярские ножницы. Хлипкое, никудышное, но все же оружие против этого существа. Да, вирусы убивают антивирусниками, но он сроду не ставил себе на компьютер «Касперского», предпочитая убивать вирусы вручную, простым нажатием на delete… Интересно, как нажать на delete в жизни?

— Назад!. - скомандовал он, оттесняя Катю к двери.

Кошка все также сидела на подоконнике, словно раздумывая, чтобы сделать теперь, когда она внутри… Ее белая шерсть практически полностью стала красной от крови, а тоненький багровый ручеек уже стекал по батарее на пол. Большие зеленые глаза внимательно осматривали комнату, словно фиксируя ее мельчайшие детали в памяти.

— Слав… — тихо прошептала за спиной Катя, — Где твои родители?

Похоже, что байки о глупости блондинок не имеют под собой почвы… Сейчас мыслить логически оказалась лишь она, а не он, программист по призванию, которому, просто по долгу службы надо было задуматься о том, почему родители не просто не вбежали в комнату на звук бьющегося стекла, но и вообще не подали признаков жизни.

Вирус бабочки в действии. Откуда еще ждать опасности? Что еще заражено?

Кошка прыгнула. Взвилась в воздух неожиданно и молниеносно. Слава занес ножницы для удара, запоздало понимая, что существо бросилось не на него, и не на Катю, как он ожидал. Кошка прыгнула совершенно в противоположную сторону, вправо от них, и повисла на боях, как совсем недавно висела на стекле.

— Во летает, зараза! — раздался сзади знакомый, и в то же время чужой голос отца. — Я же говорил, кошки совсем от рук

отбились. Летают тут, понимаешь… Срут и срут на голову!

Слава обернулся и встретился взглядом с отцом. Осмысленный взгляд — он не выглядел сумасшедшим, он не был не в себе… Просто это был не он!

— Слава! — рядом испуганно взвизгнула Катя, и Слава едва успел среагировать, запоздало поняв, что кошка, увидев, что он больше не наблюдает за ней, бросилась в атаку. Он успел выставить вперед ножницы за секунду до того, как клубок красного меха пронесся мимо него, метя Кате в горло…

Сиамка яростно взвыла, когда острые лезвия вошли ей в шею, пробив ее насквозь, а затем с тихим мявом, бесформенной кучей рухнула на пол, заливая Славины ноги бьющим из разорванного горла фонтанчиком крови.

— Жаль, — прокомментировал сзади отец. — Хорошо летала.

Катя, перешагнув через труп кошки, пятясь, отступала от отца, не сводя взгляда с ножа, зажатого в руке, которую раньше он держал за спиной.

— Слава… — в этом тихом обращении было все. Отчаяние, страх, ужас, полное непонимание происходящего и беспомощность… Беспомощность перед лицом надвигающейся опасности, которую сейчас представлял его отец.

— Цыпа, цыпа, цыпа… — улыбаясь бормотал он, делая шаг вслед за Катей. — Иди сюда, девочка…

— Пап… — Слава оставался у него за спиной, готовый в любой момент ударить его по затылку, или схватить за шею. — Пап, остановись!

— Слава, сделай что-нибудь!

Он не успел. Уже заносил сложенные в топорик руки для удара, когда что-то горячее, словно сам огонь, ворвалось в его тело чуть повыше поясницы. Слава охнул, падая на колени и, одновременно, оборачиваясь, силясь понять, что же случилось. В его спине, точнее, практически в том месте, где спина превращалась в филейную часть, торчал вогнанный по самую рукоятку кухонный нож. И ему не нужно было поднимать глаза, чтобы узнать, кто сделал это.

— Мама… — прошептал он, протягивая руку ножу. Он должен встать. Должен встать во что бы то ни стало. Отец уже прижал Катю к самой стене, поигрывая ножом и, словно примеряясь, как бы поудобнее нанести удар.

— Да, сынок? — услужливо спросила мать. — Тебе помочь?

— Помоги, — он ухватился за ручку ножа, и слегка потянул наружу, чувствуя, как рана отзывается непереносимой болью. Выдернуть его рывком… Главное в этот момент не лишиться сознания от боли.

— Чем тебе помочь, касатик мой?

— ПЕРЕЗАГРУЗИСЬ!!!

В этот выкрик он вложил всю боль и всю ненависть, вырывая нож из собственного тела. Лезвие вышло на удивление легко, и даже боль показалась не такой уж страшной, как он предполагал… Наверное, за эти несколько секунд он просто привык к ней.

— Не могу, касатик, увы и ах. Прости.

Мать словно не замечала его, глядя куда-то вдаль, поверх его головы.

— Это ты меня прости.

Он рывком поднялся на ноги, ощущая, как по штанам растекается мокрое пятно. То ли кровь, то ли моча — он бы не удивился, обнаружь он сейчас, что обмочился от страха. Так страшное ему не было еще никогда.

— За что, касатик?

Он не ответил. Не оглянулся на Катин тихий вскрик, больше похожий на плач ребенка, захлебнувшегося в своих слезах. Он уже понимал, что опоздал… Сознание было пустым, но четким и ясным. Нажать на delete. Спастись хотя бы самому, чтобы вновь запустить загрузчик. Исправить то, что произошло! Уцелеть.

Лезвие ножа с хрустом вошло ей в солнечное сплетение. Мать охнула, покачнулась, но так и осталась стоять, лишь из уголка губ на светло зеленый халат, в котором она всегда ходила по дому, потекла струйка крови.

— Спасибо, сынок… — прошептала она, а затем стала медленно заваливаться на бок, пока окончательно не потеряла равновесие. Уже лежа на полу, она смотрела не него широко открытыми лазами, силясь что-то сказать и, одновременно, пытаясь вытащить нож из своей груди.

Боли не было. Не было страха или сожаления. Он убил не свою мать. Он всего лишь нажал на delete, устраняя вирус. Теперь нужно лишь справиться с отцом и загрузиться, чтобы все встало на свои места. Словно в игре… Если ты ввязался в бой с противником, серьезно превосходящим тебя по силам, просто побыстрее закончи бой, наплевав на потери. Пусть полягут хоть все солдаты твоей армии — это несущественно. Главное — выйти в обычный режим игры и загрузиться…

Мать с усилием вытащили нож и протянула ему.

— Возьми, — прошептала она. — Тебе он еще понадобится.

Он и сам знал, что понадобится. За его спиной стоял отец — Слава чувствовал это всеми фибрами тела. Стоял, с занесенным для удара ножом почти таким же, какой он сам держал сейчас в руках, но ничего не предпринимал, ожидая чего-то.

— Спасибо, Слава, — вновь сказала мать, — Добей его и загрузись…

Ее глаза закрылись, кажется, теперь уже навсегда.

Навсегда в этой реальности. В той, в которую он скоро вернется, она вновь будет жива!

— Да, мама, — механически ответил он, хоть и понимал, что смотрит сейчас не на свою мать. Даже перед смертью ее глаза так и не стали ЕЕ глазами. Вирус бабочки все еще был в ней.

Слава обернулся…

Катя сидела у стены, широко распахнув глаза, полные боли и ужаса. Глядя только на ее лицо можно было бы подумать, что она еще жива, просто впала в ступор, но страшная рана на горле, из которой до сих вытекала кровь, не оставляла сомнений. Отец перерезал ей горло…

Сам он стоял прямо перед Славой, словно солдат, на вытяжку… И его глаза казались не менее мертвыми, чем Катины.

— Я — вирус, — просто сказал он.

— Знаю, — ответил Слава, быстро, без замаха, всаживая нож ему в грудь. — Я вернусь.

— Возвращайся, — тихо прошептал отец, оседая на пол. Но это был не его голос…

Отбросив в сторону нож, Слава сел за компьютер. Коснулся дрожащими руками мышки, заставляя экран, ушедший в режим ожидания, «проснуться».

Вместо привычных экранных обоев с солнечным затмением с экрана на него смотрела окровавленная мордочка кошки, ворвавшейся в его дом через окно.

— Загрузись, — пропели выключенные колонки.

— Загрузись, — появилась надпись под кошачьей мордой.

Слава выходил в «Интернет»…

Дверь в прихожей слетела с петель и с грохотом ввалилась в квартиру. Сколько раз Слава собирался или поставить металлическую или, на худой конец, хотя бы переделать эту так, чтобы она открывалась наружу…

Он даже не обернулся на ворвавшихся в квартиру — зачем? Он уже чувствовал, что проиграл. Если это вновь порождения вируса, то он просто не успеет ничего сделать. Даже нож, какое-никакое, но все же оружие, валялся на полу в паре метров от него, к тому же сказывалась потеря крови… Слава понимал, что если не загрузится в ближайшие пять — десять минут, то ослабнет настолько, что не сможет даже двигать мышкой, или просто потеряет сознание, упав лицом в клавиатуру.

Если это снова вирус, то ему конец… А кто, что еще могло так вломиться к нему в квартиру?!

— Успели! — воскликнул кто-то за его спиной, и в этом возгласе не чувствовалось угрозы. — Он еще здесь.

— Стой, парень, оставь загрузчик в покое…

Слава все же обернулся…

Позади него стояли трое парней, лет 25 — 30-ти. Обычные молодые люди, которых ни за что не выделишь из общей массы, столкнувшись с ними на улице.

— Что здесь было? — спросил один из них.

— Вы не поверите, — устало ответил Слава, вновь повернувшись к монитору. Он уже вышел в «Интернет», и сейчас выбрал в «избранном» адрес своего сайта, на котором держал загрузчик. Но сильная ладонь легла на его руку, прижимая мышку к столу.

— Не надо.

Слава дернулся, но он был слишком слаб, чтобы дать хоть какое-то подобие отпора. В голове мутилось.

— Да он ранен… — констатировал один из них.

— Значит его мы не спасем, — ответил другой. — Может быть еще не поздно… Отвезем в больницу. Хотя, после того, что здесь произошло, он, наверное, и сам не захочет жить.

— Отпустите меня… — обреченно попросил Слава. — Я смогу все изменить.

— Ты сможешь только умереть, — возразил ему тот, что держал его руку. — Да еще и прихватишь с собой четыре с лишним миллиарда человек. Оставь в покое «Интернет», сейчас тебе туда нельзя. Да и вообще нельзя было…

Странный звук, раздавшийся позади них, заставил всех повернуть голову к его источнику. Не то писк, не то захлебнувшийся плач… Не то мяуканье кошки, в горле которой торчали ножницы.

— Господи, что это! — воскликнул один из парней.

— Кошка, — отрешенно констатировал Слава, глядя на то, как окровавленное создание ковыляет к ним, склонив голову к полу и покачивая ей из стороны в сторону, пытаясь вытащить ножницы, острие которых торчало из ее загривка.

Слава не понял, как и в какой момент это случилось — просто та рука, что прижимала его руку к столу, вдруг обхватила его шею, а другая — голову. Удушающий захват, который легко перевести в смертельный прием, ломающий человеку шею.

— Прости, парень, но я должен это сделать.

Слава вяло сопротивлялся, понимая, что все равно не сможет совладать со своим противником. Тот был сильнее его, да, к тому же, сказывался удар ножом в почку, нанесенный матерью.

— Зачем? — спросил он, и не надеясь получить ответ.

Руки сжались сильнее. Еще секунда, один рывок…

Кошка с трудом подняла голову, глядя на Славу…

Звон стекла со стороны окна. Осколки — большие и маленькие, все, разом, поднялись в воздух, и словно растаяли — настолько стремителен был их полет. Руки, обхватившие Славину шею, ослабили хватку, а три предсмертных хрипа свидетельствовал о том, что стеклянные снаряды нашли свои цели. Все трое повалились на пол, иссеченные мелким стеклянным крошевом и располосованные крупными осколками, словно ножами.

Слава не обернулся — он знал, что увидит. Кадр из неснятого фильма ужасов «Фредди Крюгер порезвился!» Он смотрел на кошку…

Она вновь опустила голову и протяжно мяукнула, а затем завалилась на бок, комично вскинув передние лапы.

— Все зашло слишком далеко… — прошептал кто-то за Славиной спиной — кто-то из парней остался жив. — Мы даже не представляли, насколько.

Он не слушал. Одно нажатие кнопки мыши, и, спустя секунду, перед ним заплясали яркие цвета «Гипнотика». Или, быть может, они были галлюцинацией, вызванной потерей крови, равно как и все, что сейчас произошло? Слава не знал.

Нет, «Гипнотик» действительно был. Мир растворился, краски потухли, уступая место серости битов и байтов. Боль ушла… Ушла вместе с телом, оставшимся в реальном мире — здесь Слава тоже был не более чем информацией, гораздо более хрупкой, нежели привычная телесная оболочка. Тело можно убить… Информацию достаточно просто стереть…

Его влекло к анкеру — картинке, запечатлевшей небольшой момент его жизни. Программа-загрузчик делала свое дело… А кто-то шел позади него…

Кто-то большой и сильный ворочался за его виртуальной спиной, раздвигая своим громадным телом толщу мегабайт информации. Слава чувствовал у себя между лопаток взгляд острых маленьких глаз…

Бред! Какой взгляд? — в виртуальности нет света. Между каких лопаток? — здесь он был лишен тела. Но, тем не менее, ему нестерпимо хотелось побыстрее войти в анкер, вновь оказаться в реальности, подальше от того, что следовало за ним.

Анкер мелькнул впереди, в просвете между серыми потоками информации. Окно в реальный мир. Его мир… Славе казалось, что он физически ощущает, как позади него расступается виртуальность, пропуская… Червя! Точно! Отчего-то он представлял того, кто идет сейчас за ним в виде громадного

неповоротливого червя. Хищного обитателя виртуальности, прародителя всех worm'ов, в изобилии блуждающих по «Интернету» и пугающих честных хакеров своим появлением.

С одной стороны нестерпимо хотелось оглянуться — взглянуть в глаза интернет-монстра, быть может, даже, рассмеяться ему в лицо, но с другой — стоит обернуться, и загрузчик потащит его обратно. Он никогда не возвращался в то место. Из которого только что ушел, но теоретически такая возможность была заложена в программу. Сейчас он был ее частью — управляющим блоком или головной процедурой. Программа не умеет читать мысли — она мыслит не образами, а лишь цифрами. Все просто до банальности: if z = 1 then goto anker; else… else — вернуться обратно, Слава не помнил, каким именно кодовым словом обозвал возвращение. Если анкер — это anker, то возвращение обратно, кажется, goto kloaka. Точно! Самая настоящая клоака!

Переменной, определяющей сейчас его движение, и был его собственный взгляд. Если он смотрит вперед — движется вперед, к анкеру, если смотрит назад — движется в клоаку. При чем здесь, в виртуальности, программа наверняка имеет некую инерцию, своеобразный мертвый ход — он может просто не успеть обернуться обратно, если нечто за его спиной действительно жаждет крови… Не успеет уйти. Нет, не время для экспериментов, не время для знакомства с обитателями виртуальности — даже встреть он сейчас здесь такого же путешественника, как он сам — не остановился бы, чтобы поболтать о жизни. Не до того сейчас…

Он шагнул в анкер, успев заметить, как изменился вокруг цвет виртуальности. Серость уступила место багровым тонам — цвету крови, чего раньше никогда не случалось.

И в ту же секунду багряность растаяла, уступая место яркому свету дня. Дня реальности, сохраненной в анкере! И вместе со светом, резанувшем глаза, пришла боль, острым ножом прошедшаяся от правой руки до самого далекого нейрона, затерянного где-то в необъятных просторах мозга. Словно в плечо вонзился раскаленный штырь…

Охнув Слава едва не сполз с кресла, чувствуя, как все тело, пронзенное острой болью, отказывается подчиняться ему. Медленно, с трудом заставляя непослушные шейные позвонки шевелиться, он повернул голову направо, чтобы взглянуть на свое правое плечо, одновременно пытаясь протянуть к нему левую руку, которая даже не желала подниматься с колен.

Плеча не было! На его месте зияла громадная рана с рваными краями, живописно обрамленная клочьями одежды — словно кто-

то, имеющий воистину гигантские размеры, просто сомкнул свои зубы на его руке, вырвав громадный кусок мяса, перемолов заодно и мешавшие ему кости. Из раны выпирала смятая ключица, чуть ниже — еще какая-то кость, видимо то, что осталось от руки, которая пока что не упала на пол просто потому, что висела на длинном лоскуте кожи, когда-то соединявшем руку и грудную клетку.

Все это Слава видел в мельчайших подробностях, как-то отстраненно осознавая, что это ЕГО рука превратилась в кровавое месиво, что это ЕГО кровь обильно вытекает из зияющей раны, и что это ЕГО сознание уже мутит не то от потери крови, не то просто от жуткого вида.

Также отстраненно пришла мысль о том, что сейчас он зальет кровью весь ковер, который после этого наверняка придется выкинуть… Спокойно и неторопливо в мозг пробралась мысль, что он все же проиграл войну с проклятым вирусом, каким-то образом сумевшим достать его еще в виртуальности, не заражая, на этот раз, никого из его близких или просто случайных знакомых.

Ручеек крови сбегал с его плеча вниз, рубашка промокла, словно плохо выжатая техничкой половая тряпка… Тяжелые капли набухали на рукаве, готовые сорваться вниз, на ковер, который уже не спасти и не отстирать… Одна из них, набравшись смелости, оторвалась от рубашки, плавно стартовав вниз…

Слава перевел взгляд на ковер, уже даже не пытаясь зажать рану уцелевшей рукой — естественное в таком случае желание. Странно, на ковре еще не было ни капли крови. Значит вот эта будет первой…

Словно в замедленной съемке он наблюдал, как бардовая капля летит вниз и… растворяется в воздухе, так и не коснувшись пола!

Отчего-то возникло странное желание немедленно вызвать скорую. Нет, не для того, чтобы его срочно отвезли в больницу, где зашили бы рану и т. д., а лишь для того, чтобы забросили в психушку, где, проведя серию мероприятий, позволили бы ему умереть в трезвом рассудке.

Слава перевел взгляд на руку и… желание вызвать психбригаду еще больше укоренилось в его сознании. Рана, нанесенная, видимо, укусом невероятно громадных челюстей, затягивалась сама собой. Под возникающим из ниоткуда мясом складывались раздробленные кости, склеивались стенки сосудов, возвращаясь в первоначальное состояние, наконец стала появляться кожа, а на нее — натягиваться хлопчато-бумажная ткань — даже разорванная страшными зубами рубашка

стремилась вернуться в первоначальный вид.

«Бред. Я умираю, и мне все это мерещится!»

Или нет? Он уже мог пошевелить правой рукой, в которой осталось лишь воспоминание о непереносимой боли, но не сама боль. Боль ушла…

На ковер так не упало ни капли крови…

Рубашка была такой же девственно чистой, как и раньше.

Слава вскочил с кресла, разминая конечности. Этакая импровизированная гимнастика только что воскресшего горца. Нужно было записать анкер. Записать. Пока не случилось что-то еще, что помешает ему. Пока не ворвались в квартиру загадочные ребята, которые, в отличие от него, понимали, что происходит, но по признанию одного из них, не знали, до каких масштабов докатился проклятый вирус бабочки!

Он встал в боевую стойку и несколько раз нанес удар воображаемому противнику, заставляя кровь вновь бежать по ноющей руке. Бой с тенью. Бой с фантомными болями… Нет, фантомные боли — это когда руки уже нет, но воспоминание о боли осталось, а это… Виртуальная боль, принесенная оттуда, из виртуальности.

Размяться и записать анкер. Иначе в следующий раз и вовсе некуда будет возвращаться.

Почувствовав, что рука вновь слушается его, Слава взялся за фотоаппарат и несколькими привычными подключил его к компьютеру, перегоняя картинку в загрузчик. Готово…

Он действовал чисто механически, сначала создав анкер, а затем одевшись. Сознание отключилось, не справившись с потоком информации. Работало подсознание. И оно требовало мчаться на площадь Ленина, на встречу с Катей. В его сознании Катя превратилась в некую панацею от всех болезней — спасти ее, и вирус отступит.

Мир — Матрица. Чтобы твой компьютер не поразил какой-нибудь вредный «Троян», стоит просто переименовать папку Windows, скажем, в Fortochkus. Вирусы ищут конкретный объект… Если им нужен файл, лежащий в Windows — они не тронут тот же самый объект в Fortochkus! И все, вирус обезврежен. Да, такое возможно только с липовыми, простенькими вирями, но Слава от души надеялся, что нечто, пробравшееся в его жизнь из виртуальности, не сложнее тех «Троянов», которые он сам в изобилии написал за свою жизнь.

С Кати все началось. Спасти ее, перенести в другую папку, и вирус будет обезврежен. Хоть бы это было так…

Он вышел из подъезда и остановился, впервые за последние десять минут начиная осмысливать происходящее. Шел дождь!

Обычный майский дождь, в котором не было ничего особенного, не считая той мелочи, что когда Слава возвращался в прошлый раз, нет, во все прошлые разы, на улице было ясно!

Летающие кошки, касатики, сходящие с ума люди, а теперь еще и это. Да, тот парень, что хотел свернуть ему шею, был прав, все зашло слишком далеко. Прав был Бредбери, ой, как прав. Меняешь одно — меняется все!

Слава развернулся и вновь вошел в подъезд. Дождь не меняет его планов.

Взяв зонт он вновь вышел из дома и направился к автобусной остановке, но едва выйдя к дороге передумал и поднял руку, останавливая машину. К черту автобусы — еще дома он выгреб практически все деньги из заначки, логически рассудив, что они ему могут потребоваться. Ну а если ничего не выйдет, и мир просто канет в небытие, изгрызенный проклятым вирусом, то о деньгах раздумывать не приходится.

Пожалуй, ловить такси было не самым разумным решением — десяток машин промчалось мимо, едва не обдав его грязью, зато мимо него с кряхтением и посапыванием прокатился автобус, редкий этих краях, как банан на Украине. Наконец, когда Слава уже проклял всю мировую автомобильную промышленность, возле него затормозил ухоженный и удивительно чистый для такой погоды, «Москвичонок».

— Куда? — коротко бросил водитель, как только подмоченная Славина голова просунулась в дверцу.

— Площадь Ленина.

— Две сотни.

— Полторы, — рефлекторно отозвался Слава, забыв про свое недавнее решение положить на деньги и спасать мир.

— Тогда мокни тут со своим полтинником, — вполне миролюбиво улыбнулся водила, положив руку на ручку скоростей и явно намереваясь тронуться вне зависимости от того, отойдет Слава от его драндулета, или не успеет.

— Поехали, — буркнул он, впрыгивая в автомобиль и пытаясь закрыть зонт, который расшалившийся ветер вознамерился вырвать из его рук.

Водитель еще раз расплылся в улыбке, приподняв широкие усы а-ля Иосиф Виссарионович, и утопил педаль, срываясь с места и поднимая фонтан грязи, долетавший, порой, до тротуара.

— Куда едешь, парень? — спросил он, явно желая скоротать дорогу беседой.

— Сказал же, на площадь Ленина, — отозвался Слава, которому как раз наоборот, не хотелось говорить ни с кем вообще.

— Экий ты неразговорчивый, парень. Как тебя зовут-то хоть?

— Слава…

— Слушай, Слава, ты не против, если я закурю?

— Да курите, ради Бога.

Водитель, не сбавляя хода, закопался куда-то в бардачок, разыскивая сигареты, и совершенно не глядя на дорогу. Благо, участок дороги был прямым, да и встречные автомобили попадались не так уж часто.

— Будешь? — спросил водитель, протягивая ему пачку «Петра».

— А отчего бы и нет… — удивляясь сам себе ответил Слава, доставая сигарету. — Я, правда, бросил пять лет назад.

— Правильно. Я, вот, тоже, сейчас докурю и брошу.

Отчего-то этот мужчина вызывал неподдельную симпатию, не смотря на самоубийственную манеру вождения и грабительские цены.

— Как вас зовут? — спросил Слава.

— Семен. Легко отделался, в свое время меня родители хотели Луиджи назвать.

— Почему Луиджи? Вы ж, вроде, русский?

— Так и имя русское. Нет, точнее, советское. Лу-и-джи… Ленин умер, идеи живы.

Слава улыбнулся. Впервые с того момента, как обнаружил, что кто-то откусил ему большую часть руки, на выходе из виртуальности.

— Семен, вы в компьютерах разбираетесь? — вдруг спросил он.

— На уровне «включил-выключил», «запустил игрушку — продулся». Терпеть не могу эти железки, но жизнь заставила сопливого любить. Начальник гаража у меня был из этих, из нуворишей. Я уж не знаю, как он туда пробился — должно быть, блат был солидный, так вот, этот болван в свои тридцать лет думал, что умнее меня в мои пятьдесят, что в жизни больше повидал… Гараж у нас маленький был, машин на десять, так он и заставил всех отчеты сдавать в этом, как его, «экселе»… Какой-то паренек ему составил табличку, в которую потом каждый из водителей должен был вносить, сколько он километров проехал. Просто и без затей — подошел к компьютеру, открыл файл, вбил туда показания спидометра, и все. Эта табличка сама тебе посчитает, сколько ты бензина прокатал, и сколько ты в путевке должен указать. И расход бензина на каждую машину там был учтен, и что-то еще… В общем, списывать бензин можно было только по спидометру, да и то, этот нувориш за нами следил постоянно.

Ну, меня сын и научил, как в этом «экселе» работать. Я однажды тихонько в нем покопался, пока никого рядом не было, и с тех пор расход бензина у каждой машины раза в два больше, чем должен быть, вводим мы километры, а программа считает их милями, ну и что-то там еще. В итоге — у всех водителей в день литров по сорок бензина неучтенного остается, а начальник наш ходит и поражается, чего это расходы так повысились.

— Ловко, ловко… — улыбаясь прокомментировал Слава, — Так вы, Семен, начинающий хакер! И чем дело кончилось?

— А чем оно могло кончиться? Халява, она всегда кончается. Шефа нашего через пол года обвинили в воровстве, мол, это он себе домой бензин цистернами сливает. Убрали его с этого тепленького места, и другого мужика поставили. Толкового… Он, естественно, компьютер списал по какой-то там поломке — дочурка его с тех пор на нем играет, отчеты мы стали сдавать натуральному, живому бухгалтеру, так что сильно не поворуешь. Вот и вся история…

Семен смачно затянулся дотлевающей сигаретой и, выдохнув дым, выкинул окурок в окно.

— Глупый у нас народ, Слава. — задумчиво протянул он. — Думают, что компьютеры им мозгов прибавят. А мозги они тут, в голове, а вовсе не в этой железке с монитором. Жили мы раньше без них и жили, никто не жаловался.

— Не скажите. Вот ездили же раньше люди на лошадях, а теперь, вот, у Вас автомобиль.

— А я бы с удовольствием тебя сейчас на телеге вез, а не на этом драндулете. Лошади травкой питались, а не бензином. Навозом гадили, а не ядовитым дымком. Понимаю я, к чему ты клонишь — скажешь сейчас, что люди вроде меня просто прогресс не принимают. Дескать, раньше тоже считали, что машина — это дьявольская колесница, и кататься нужно только на лошадках, а сейчас на лошадях ездят только жокеи да деревенские пастухи.

— Ну, вроде того.

— Ты, Славик, о другом подумай. — Семен как-то незаметно перешел на доверительно-покровительственный тон, и теперь уже было поздно что-то менять в этом разговоре. — Машины, которые лошадей заменили, мясорубки, пришедшие на смену топорам, все они — лишь куски металла, пусть некоторые и с бензиновым движком. Они не разумные…

— А компьютер, что ж, по-вашему, получается, разумный? — рассмеялся Слава. Он и в самом деле счел своего собеседника не более чем консерватором, боящимся чего-то нового в любом проявлении.

— Не всякий, далеко не всякий. Но есть среди них и

разумные. Мой, например, что дома у меня стоял, мыслить умел.

— Почему «умел»?

— А Бог его знает, может и сейчас умеет. Продал я его…

— А почему вы решили…

— Да потому что! — воскликнул Семен неожиданно резко. — Ты, парень, мыслишь какими-то штампами. Ждешь, небось, что сейчас я тебе начну рассказывать жуткую историю о том, как со мной компьютер ночью заговорил, или как током меня бил, убить грозился? Так, да? Да ладно, молчи, я же чувствую. Что так. А ты бы после этого сказал, «Эх, дядя Семен, я такого психиатра хорошего знаю!» Нет, Славик, не говорила со мной эта железка. Слава Богу, не успела заговорить. Просто, понимаешь, есть вещи, которые ты чувствуешь нутром.

— Какие, например?

— Ну вот ты, скажем… Девчонка у тебя есть?.. Вот чувствую я, что есть. И это к ней ты сейчас летишь, опаздываешь, потому и денег не считаешь. Ведь дороже она тебе, чем тот полтинник, который я с тебя содрал за спешку. Так?

— Ну, почти так.

— Любишь ты ее?

— Люблю, — чуть помедлив ответил Слава.

— А она тебя?

Хотелось, нестерпимо хотелось сказать «Да!» Не просто ответить Семену, а крикнуть всему миру: «Да! Она меня любит! И мы будем счастливы вместе! Вдвоем!» В это хотелось верить, но… Как она могла любить его, которого видела-то всего раз, какое бы приятное впечатление на нее не произвел парень с рыцарскими повадками, прокативший ее на такси в дождливую пору? Если для него за эти двадцать с лишним загрузок она превратилась чуть ли не в идеал, то кто он для нее? Никто!

— Да, — все же ответил он.

— Уверен?

— Да.

— Так говори увереннее! — настойчиво потребовал Семен. — Она любит тебя?

— Да!

— А откуда ты это знаешь?

— Чувствую! — начиная злиться, воскликнул Слава. — Просто знаю это, и все.

— А я знаю, что мой компьютер понимал, осознавал то, что вокруг него происходит! — победоносно закончил Семен, гордый тем, как удачно подвел собеседника к логической ловушке.

Слава пристыжено умолк, пытаясь вспомнить, зачем вообще он начал этот разговор о компьютерах. Рефлекс программиста сработал? «И вот беру я ее, значит, за талию, задираю юбку, сажаю задницей на клавиатуру…» — «А у тебя компутер есть? А какой?!»

— Слава, а ты кем работаешь? — видимо, решив сменить тему, спросил Семен.

— Программистом, — нехотя ответил Слава.

— А я так и думал, уж больно ты логичный, да правильный. Всему доказательства ищешь, объяснения какие-то… А иногда просто нету их, этих объяснений.

— Жопа — есть, а слова — нет? Так что ли?

— Примерно так.

Они оба вновь замолчали. Семен наблюдал за дорогой, в кои-то веки соизволив сосредоточить свое драгоценное внимание на скользком асфальте. Он и в самом деле был матером своего дела. Водитель от Бога, как от Бога было умение Славы общаться с компьютерами на «ты». Семен чувствовал автомобиль, жил его жизнью, сливался с ровным урчанием мотора… И, наверное, поэтому это урчание и было таким ровным. Так Слава когда-то писал свои первые программы, тогда еще на забытом теперь pascal'e, который теперь даже в школах-то не преподают. Писал текст, не зная — чувствуя, как отреагирует на него компьютер,

стоит запустить программу на выполнение. Зная, в каком месте произошел сбой задолго до того, как компилятор укажет ему на ошибку в тексте программы.

Он чувствовал компьютер. Как чувствовал, что Катя любит его… Как Семен чувствовал, что его компьютер обретает разум!

Это было даже забавным, сравнивать девушку и компьютер. Органическое и металлическое… Он любил Катю, и Катя любила его. Он любил компьютеры, понимал их, в отличие от многих, и компьютеры отвечали ему взаимностью. До сегодняшнего дня. До того, как нечто из виртуальности, worm из worm'ов, откусил ему кусок руки.

— Озадачил я тебя, парень? — спросил Семен.

— Да, есть маленько, — согласился Слава.

Машина летела по Большевистской, приближаясь к центру города. Скоро этот странный человек высадит его и продолжит свой путь на своем стареньком «Москвичонке», ухоженном, словно породистая болонка.

— Семен, а как вы думаете, компьютеры умеют любить?

— Да, здорово я тебя озадачил. — Семен улыбался, широко и открыто, как другу. Как и в любой игре к главному герою обязательно приходит добрый волшебник с такими, вот, усами, и рассказывает ему всю правду о мире, прибавляя опыта… Жизнь — игра. Мир — Матрица. Люди — … Люди — пища для виртуальных червей.

— Думаю, что умеют, — подумав, закончил Семен. — Должны уметь.

— А машины.

— Какие машины?

— Ну, ваша, например?

Вот тут, впервые за всю поездку, он озадачился по-настоящему. Человеку, чувствовавшему разумность компьютера, никогда не приходило в голову, что его может любить собственная машина!

— Думаю, что умеют. — ответил он, наконец. — Иногда мне кажется, что моя таратайка меня действительно любит, пусть она и не разумна.

— А чтобы любить, не обязательно быть разумным.

Семен хмыкнул, обгоняя по встречной полосе тяжелый грузовик.

— Да, пожалуй, прав. Хочешь одну любопытную историю? — сделав паузу, и сочтя молчание знаком согласия, он продолжил, — Не знаю, правда это, или нет, но ходит среди водителей одна легенда…

— О черном псе? — полувопросительно закончил за него

Слава.

— Нет, хотя и о нем тоже. — усмехнулся Семен. — Вижу, ты не только со своими компьютерами общаешься, юный программист! Редко вижу человека, который слышал эту историю.

— Был у меня в детстве близкий друг, отец которого дальнобойщиком работал, так вот он, как раз, нам эту байку и рассказал.

— Почему «был»?

— Погиб, — со вздохом ответил Слава. — Ему лет пятнадцать было, когда отец взял его с собой в рейс, видимо хотел, чтобы сын по его стопам пошел. Ночью слетели с дороги и на полном ходу врезались в дерево… Отчасти поэтому я эту легенду и помню.

— Думаешь, они ЕГО и увидели?

— Да.

Семен тяжело вздохнул, не то реагируя на услышанное и соболезнуя трагедии почти десятилетней давности, то ли просто сожалея, что вольный полет по трассе закончился — «Москвичонок» намертво вклинился пробку, ожидая зеленого сигнала светофора, который, кажется, вообще не подавал признаков жизни.

Слава тоже молчал, время от времени поглядывая на часы. Не было еще и шести, торопиться было некуда…

Он думал о том, что если после всего этого кошмара он останется жив, то обязательно наведет справки среди друзей хакеров, нет ли в ИХ среде легенды о черном worm'e. Должна быть, ведь есть же у дальнобойщиков черный пес… Мистическое существо, в которое кто-то верит и суеверно крестится, когда ночью с дороги съезжает очередная фура, а кто-то считает глупой страшилкой. Серегин отец рассказывал им тогда, десяток лет назад, что один из его друзей однажды видел на трассе это нечто… Говорил, что каждый видит свой кошмар — своего пса, у которого нет даже определенной породы. Он приходит, когда водитель, утомленный дорогой на черти-какой день пути, начинает клевать носом за рулем. Появляется из ниоткуда, когда глаза человека слипаются, и лишь руки, словно автопилот самолета, сами собой удерживают руль, не давая машине съехать в кювет. Профессиональный навык… И иногда, когда дальнобойщик едет вот так, на автопилоте, сквозь сон он слышит скрежещущий звук, как будто что-то царапает по стеклу, а когда открывает глаза, то видит громадного черного пса, бегущего по дороге, прямо навстречу ему. Расстояние стремительно сокращается, человек рефлекторно давит на гудок, но вот в свете фар мелькают оскаленные клыки, и черный пес взвивается в воздух, целясь в лобовое стекло… И человек, все также, на

автопилоте, выкручивает руль в сторону.

Слава, уже тогда осознавший, что все логичное и выстроенное в цепочку, влечет его куда больше сказок и легенд, тогда сказал, что водителю достаточно просто не сворачивать дороги. Смести своим грузовиком проклятую тварь, задавить, размазать по дороге, но Серегин отец лишь грустно усмехнулся и пожал плечами.

После того, как их грузовик съехал с дороги, Слава, наверное, впервые задумался о том, что не все в этой жизни можно разложить по полочкам и систематизировать, выложив в виде каталогов на голубой экран Norton'a. Впервые представил себя на месте водителя, который, проснувшись, видит перед собой оскаленную пасть громадного черного пса, существа из легенд, пришедшего по его душу. Здесь нельзя действовать по алгоритму «if ты видишь черного пса then дави скотину else тебе придет каюк», разум просто откажется алгоритмизировать то, чего не может быть.

Как сейчас… Когда идет дождь, которого не должно было быть, когда в Катиной сумочке появляется несуществующая визитка, и когда весь мир вознамерился доказать ему, что реальность можно гнуть и вертеть, как кусок медного провода.

— М-да, и ты умеешь озадачивать, хоть и программист, — вновь заговорил Семен после минутного молчания. — Сбил, ведь, меня, со своим черным псом. Я тебе другую легенду хотел рассказать, тоже шоферскую, только и вашему брату, компьютерщикам, она бы тоже была интересна.

Он закурил еще одну сигарету и, небрежно выбросив пустую пачку в окно, продолжил.

— Говорят, был в Штатах какой-то певец — не певец, но кто-то в этом духе. Звезда, одним словом, которому поклонялись толпы… Ну и, естественно, при такой популярности, богат он был, словно наш Мавроди. Был у него автомобиль — тоже что-то навороченное до жути, экономия бензина, хотя куда уж при таких деньгах еще и экономить, гидрач на руле, хотя на фиг он на легковушке нужен, в общем, много чего еще. И любил этот певец свою машину, от личного шофера отказывался, водил всегда сам, и чуть ли не каждый день на ихнее СТО ее отвозил, для тестирования и всего прочего, ну и новые навороты присаживал, как только они в продаже появлялись. Так и появился у него массажер задницы, с подогревом энного места, интеллектуальная система контроля погоды в салоне… ну, когда задаешь оптимальные для тебя параметры — какую ты любишь температуру, влажность, какая музыка тебе нравится, а встроенный компьютер в случае малейших отклонений, тут же

все на место возвращает. Ну, уж о том, что кондиционер у него там стоял — и говорить не надо. Зажигание включалось голосом, разве что только автопилот в машину не поставил. В общем, не машина, а компьютер на шипованной резине. Представляешь?

Слава кивнул. Как же, вполне представлял. Интеллектуальный кондиционер стоял дома у одного его приятеля, голосовой выключатель — тоже вещь распространенная… И транжиру-певца, вбухивающего свои деньги в модернизацию любимого авто, он тоже видел также явственно, как сейчас Семена.

— Так вот, — продолжал Семен, — Не знаю, сколько лет прошло, но однажды этот певец на своей машине влетел на полном ходу во что-то большое и крепкое. То ли в опору моста, то ли еще куда, не знаю. Факт то, что машину в гармошку, певца — всмятку, и все.

— Мораль? — спросил Слава.

— До морали еще далеко, слушай дальше. С пол года его машина провалялась на помойке, а потом ее оттуда вытащил какой-то предприимчивый торгаш, решивший подзаработать на имени безвременно почившего певца. Устроил аукцион, с которого за бешеные деньги ушли часы покойника, грязные носки, которые он однажды в прачечной забыл, зубная щетка и т. д., в общем, как всегда у фанатов бывает, скупали все, что под руку попадалось. Ну и на десерт продали и его автомобиль, за какую-то и вовсе баснословную сумму, мол, лот номер такой-то, автомобиль покойного, по приборной доске которого были размазаны его мозги после аварии! Вот ты бы такой купил?

— Смотря какого певца, — вполне серьезно ответил Слава. — Вот машину Цоя купил бы без колебаний.

— И привидений бы не боялся?

— Да я мечтаю, чтоб у меня жило такое привидение! Призрак великого певца… Видимо, и для того фаната тот певец был великим…

— Для той фанатки. — поправил его Семен. — Вот это помню точно, девушка это была. Дочка какого-то магната, где-то твоих годов. Ну так вот, год, или около того спустя, она на полной скорости влетела в то же самое препятствие, что и ее кумир. На той же самой машине, которую она, кстати, полностью привела в божеский вид после той, первой аварии. Вновь напихала в нее электроники, кондиционеров и всего прочего.

— Совпадение…

— Ты в это веришь?

Слава не верил. Эффект бабочки? — Сказать это Семену — не поймет.

— Может она самоубийцей была, хотела умереть также, как ее кумир?

— Возможно, — согласился Семен, — Но все ее родственники и врачи в один голос говорили, что к тому моменту она была абсолютно, полностью нормальной, и даже о своем увлечении несчастным певцом позабыла почти начисто. Перефанатилась…

— Ну, тогда призрак, — усмехнулся Слава. — Весточка с того света. А может, она и вообще черного пса увидела — кто сказал, что он должен к одним дальнобойщикам приходить.

— Не шути с этим. — Семен враз посерьезнел. — И не каркай. Может и призрак это был, вот только я опять тебе не все рассказал. Когда осматривали машину, на предмет причины аварии, ничего понять не могли — как и в случае с певцом, все исправно, тормоза идеальные, руль с гидрачом слушается нажатия мизинца. Одно всех техников удивляло, под капотом нашли странную спайку из проводов — этакий клубок, переплетенный настолько тесно, как будто его наш Левша паяльничком обрабатывал. И по форме этот клубок проводов напоминал два полушария… угадай чего?

— Ну не задницы же, — усмехнулся Слава. — Мозга?

— Его самого.

— И в чем мораль?

— А мораль, касатик мой, в том, чтобы ты, придя домой, заглянул в свой компьютер!

Слава вздрогнул, отчетливо ощутив, как заныло покалеченное сегодня плечо. Воспоминание о боли, воспоминание о страхе…

— Загляну, — коротко ответил он, глядя Семену в глаза. Нет, взгляд был по-прежнему его, без оттенка отстраненности, сосредоточенный на дороге. Может быть, это нормально — в его возрасте называть более молодых попутчиков касатиками? Или вирус просто ненадолго коснулся его, тут же отпустив?

— А скажите, дождь сегодня давно начался?

Семен хмыкнул, вполне по-свойски, как обычно. Нет, вирус бабочки еще не добрался до него, или попытался, но завладел им лишь на короткое время.

— С утра лил, потом перестал. Солнышко выглянуло — красота! А часов в пять ветер поднялся, что я думал мою девятиэтажку на фиг снесет! Тучи налетели, как будто где-то на земле прятались…

— Часов в пять? — переспросил Слава, чувствуя, как кровь отливает от его лица. — То есть, минут за тридцать — сорок до того, как вы меня подобрали?

— Ну да, где-то так.

В 16:55 он загрузился. Каждый раз он возвращался в это время… Около пяти вечера в Катиной сумке появилась визитка. Около пяти начался дождь, которого в принципе быть не должно! Наверное, он услышал бы завывание ветра за окном, если бы не сидел перед компьютером, с ужасом взирая на то, что осталось от его плеча. Наверное, стоило ему бросить взгляд за окно, и он увидел бы, как тучи сгущаются над городом, но он мог смотреть лишь на то, как непонятным образом зарастает, исчезает его рана, полученная на выходе из виртуальности.

Все было завязано на него. Вирус бабочки начинал работать в тот момент, когда он возвращался в отправную точку.

Вот почему те ребята хотели его убить… Каким-то образом они знали то, о чем он только что начал догадываться. Вирус пробрался в реальность вместе с ним! Каким он был кретином, думая, что загрузившись, сможет вернуть все на свои места! Быть может, он и есть носитель вируса? Быть может, этот worm сейчас сидит в нем, все глубже и глубже проникая в реальность!

Тучи сгущались не над городом. Тучи сгущались над ним.

Но ведь он загружался и раньше… По несколько раз проживал тот или иной день, четырежды сдавал экзамен на курсах по веб-дизайну, пока, наконец, его не удовлетворила оценка. Почему же все это началось лишь сейчас?

Совпадение? Как сказал бы Семен: «Ты в это веришь?» Нет, он не верил. Когда речь заходит об информации, компьютерах и программах, совпадения исключались. Любой сбой в системе — это не случайность, а ошибка в коде программы.

Или верно его первоначальное положение, и все происходящее каким-то образом связано с Катей? Ведь до знакомства с ней каждый встречный не норовил назвать его касатиком, а все известные ему породы кошек не умели летать.

Хотя… Тот факт, что сегодня ты заходишь в «Интернет» не говорит о том, что именно сегодня ты подцепишь там вирус, и наоборот, если сегодня, побывав на конкретном порно-сайте ты не подцепил никакой заразы, то это не означает, что тебе также повезет завтра. Случайность — есть непознанная закономерность. Законы Мерфи касаются случайностей, но исполняются они вполне закономерно.

Тогда вирус где-то в нем.

Слава попытался представить себя в виде совокупности битов, каждый из которых отвечает за меленький кластер в том или ином органе, но не смог. О том, чтобы вообразить, как вирус, прицепившийся к нему в виртуальности, дописывает свой программный код в каждый из этих кластеров — и вообще речи быть не могло. Этот бред был выше человеческого понимания.

— Тебя где высадить? — подал голос Семен. Он по-прежнему был самим собой, не норовил поддеть бампером случайного пешехода, не начинал цитировать библию программистом и вспоминать цитату из Куваева, и Слава окончательно успокоился, поверив, что хоть временно, но его все же потеряли из виду.

— У метро. Рано приехал, спущусь вниз — перекушу чем-нибудь.

— Правильно, нечего под дождем мокнуть. Как девчонку-то твою зовут хоть?

— Катерина…

— И как думаешь, придет она? Погодка-то не ахти…

Такой вариант развития событий Славой как-то не учитывался… Должна придти! Раз в прошлую загрузку добралась даже до его дома, то должна придти сюда и в дождь. Не может не придти — вирус не позволит ей этого.

А если все-таки нет… Они не обменялись телефонами, решив тогда, что в таком случае это будет выглядеть так, как будто он просто «снял» девушку на улице. Решили внести в их вторую встречу больше романтики.

— Она твой сотовый-то знает? — видимо всерьез волнуясь за своего попутчика, спросил Семен.

— Да у меня и нет его… Я на дому работаю, меня всегда легко застать.

О том, что он, программист, сутками просиживающий у монитора, побаивается сотовых из-за возможности заработать рак, Слава предпочел умолчать. Умом он понимал, что от его монитора вреда едва ли не больше, но при этом монитор был чем-то родным, а родное всегда кажется безвредным.

— Да нет, придет она. Точно придет, — поставив таким образом точку в разговоре, Слава протянул Семену деньги и попрощавшись кивком головы, выбрался из машины.

Дождь уже перестал лить как из ведра, и лишь мерзко, по-осеннему, накрапывал, нервируя и капая на мозги. Раскрыв зонт Слава шагнул ко входу в метро, но тут же остановился, увидев три знакомые фигуры. Те самые парни, что в прошлую загрузку едва не убили его.

Первой мыслью было просто броситься бежать. Да, центр города. Да, чуть ли не середина дня. Да, народу вокруг море. Но кто знает, что придет им в голову? Быть может под куртками у каждого из них по «Калашу», и сейчас, спустя секунду, они бросят на землю свои зонты, и обрушат на него свинцовый шквал, не задумываясь о том, сколько еще народу поляжет в этой перестрелке.

Но он не побежал. И не оттого, что парни заметили его тут

же, едва он остановил свой взгляд на них. Создалось впечатление, что они не знали его в лицо, а просто почувствовали, определили то ли по внешнему виду, то ли по поведению, что это именно тот, кто им нужен. Не оттого, что на первый взгляд они вовсе не собирались стрелять или активировать переносное ядерное устройство (секунду спустя Слава и сам поражался, как ему в голову мог придти бред на счет стрельбы посреди города — видимо сказываются Голливудские боевички). Просто сработало чисто русское любопытство, выразить которое можно было бы во фразе: «Если меня собираются убить, то я хочу хотя бы узнать, за что?»

Их разделяло не больше десяти шагов. Они не совещались, даже не переглянулись — словно каждый из них узнал его сам, без подсказки других. Эти трое были вместе, но при этом каждый из них был индивидуальностью со своим методом охоты. Да, именно охоты, в которой ему отводилась роль дичи.

Синхронно, не сговариваясь, они двинулись к нему, готовые перейти на бег в тот миг, когда он побежит. Один из них опустил руку в карман, но тут же вытащил обратно, так и не достав того, что собирался. Вряд ли у него там лежал пистолет — такое бывает только в кино. Скорее всего, нож — тоже действенное оружие, которым как раз гораздо удобнее пользоваться в людном месте. Удар, тихий вздох, и жертва опускается на землю даже вскрикнув. Убийца растворяется в толпе раньше, чем кто-то придет пострадавшему на помощь. Толпа эгоистична… Толпа не знает жалости.

Слава не бегал — просто ждал, когда они приблизятся, развеяв, тем самым, их сомнения относительно своей персоны, если таковые, конечно, вообще были. Пожалуй стоило уходя из дома тоже прихватить с собой нож, хотя… Не кухонный же тесак брать с собой на свидание в центр города? А армейского ножа у него, увы, не было.

Они приблизились и Слава заговорил первым, стараясь казаться равнодушным.

— Кто вы?

Тот, кто в прошлую загрузку едва не свернул ему шею, кажется, был здесь лидером, однако лидером бездарным… У Славы сложилось ощущение, что тот тщательно отрепетировал в уме момент их встречи, и наверняка она представлялась ему преисполненной пафоса, в которой он обязательно должен был произнести пару шаблонных фраз. Видимо, одну из этих фраз он готовил в качестве приветствия, и настолько уверился в том, что все пройдет именно так, как он задумал, что тот факт, что первым заговорил не он, а Слава, полностью выбил его из колеи.

Вместо того, чтобы ответить, он коротко бросил, сам стушевавшись от того, что не успел произнести должного эффекта:

— Ты — тот самый, что освоил возвращение?

Эффектного появления не получилось. Из трех профессиональных убийц, образ которых прописался в Славином воображении, эти ребята превратились в обычную компанию молодежи, знающих чуть больше него самого, но ничуть не менее испуганных и потерянных. Интересно, их тоже коснулось дыхание вируса?

— Да, я, — с явным вызовом ответил он. — А кто вы такие? Как я понимаю, вы видите меня не впервой? А вот я с вами уже успел познакомиться.

Изображать ненависть во взгляде и имитировать металл в голосе не пришлось. Слава и в самом деле был чрезвычайно зол… Главарь этой маленькой банды окончательно скатился с пьедестала почета — теперь заговорил второй.

— Откуда ты знаешь нас?

— А откуда вы знаете меня?

Главарь вновь потянулся к карману куртки. Со стороны — обычная встреча молодых ребят: трое друзей встретили четвертого, которого не видели очень давно. При чем все четверо жутко спешат, поэтому и не укроются от дождя, а так и стоят под зонтами, обсуждая что-то безусловно важное. Интересно, как отреагирует людской поток, если в руке одного из них вдруг появится нож, который он неизбежно всадит под ребра другому? Да никак…

— Зачем вы хотите убить меня? — прямо спросил Слава, готовый в любой момент отразить возможный удар и броситься бежать. С троими ему не тягаться — это уж точно.

Рука, тянущаяся к карману, замерла.

— Что ты знаешь о нас? — вопросом на вопрос ответил главарь.

— Практически ничего, кроме того, что мы уже встречались пару раз, при чем во второй нашей встрече вы пытались убить меня.

— И что нам помешало?

— Да так, незначительная мелось. Ваша смерть.

Все трое побледнели и, кажется, даже съежились словно от холода. Неприятное чувство, когда кто-то проходит по твоей могиле…

— Ты? Ты нас?… — главарь так и не смог заставить себя выговорить слово «убил».

— Нет.

— Тогда кто?

— Полагаю, что вы знаете.

— Расскажи, что произошло в твою прошлую загрузку?

— В какую из них?

Напряженность пропала сама собой. Рассказывая о своих прежних загрузках парням, о которых он не знал ничего, даже имени, Слава мимолетом думал о том, как легко находят общий язык люди, имеющие что-то общее… Нет, не просто общее, а что-то такое, что имеет мало кто еще, кроме них. Писателю трудно общаться поэтом, но два писателя обязательно найдут общий язык, начав разговор о бездарных поэтах, плагиате или глупости читателей, предпочетших их книгам чьи-то еще. Дворнику трудно будет говорить с ментом, но с другим дворником они разговорятся вовсю. Каста… Вот, в чем секрет симпатии, возникающей даже к недавним врагам. Принадлежность к определенной касте.

Военные легко узнают друг друга по выправке, алкаши — по ее отсутствию… Каста программистов и хакеров — по незаметным посторонним взглядам признакам, как правило — в речи… Это приходит с опытом — пообщавшись с компьютером год, ты называешь чайником даже водителя такси, проехавшего на красный свет. Через два года работы болезнь прогрессирует, и склероз ты называешь результатом торможения оперативки… Тут же вклиниваются и соответствующие выражения, для непосвященного звучащие как отборный мат.

Хакер никогда не назовет Windows XP его истинным именем. Windows ХРЮ, и все тут. Слово «компьютер» исчезает из лексикона, равно как и подростковое «компик». Только «комп» или «компутер»… Винт, инфа, ламеры, кряки… У программиста не может «съехать чердак» — у него обязательно «кулер крякнется»…

Каста…

Эти трое относились к его касте. Они понимали его без слов, лишь изредка задавая наводящие вопросы, второпях отвечая на Славины. Так они и стояли вчетвером под моросящим дождем, напряженные и собранные, но уже не ожидающие агрессии друг от друга — только от внешнего мира, а еще точнее — из-за его пределов. Из виртуальности.

— Значит, выходит, что даже дождь — твоя работа? — спросил тот, кого Слава изначально окрестил «главарем», пока не узнал его имени — Андрей.

— Не совсем моя, — зло парировал он. — Лучше объясните мне, как это происходит. Вы же явно знаете больше меня! На кой, в конце концов, вы хотели меня убить? И что еще интереснее —

как нашли?

Ребята переглянулись. Теперь им нужно было выложить всю информацию, а это гораздо труднее, чем поделиться с человеком, уже познавшим загрузку парой методов, позволяющих оптимизировать загрузчик, или ввести в код программы дополнительные строки, позволяющие автоматически загрузиться в случае твоей смерти.

— Слава, — начал Андрей. — Как ты думаешь, наш мир — реален?

— Мир — Матрица. Люди — батарейки. Это я великолепно усвоил за эту пару дней.

— Нет, я не о том. Ну хорошо, на примере… Вспомним «Матрицу». Люди создали машины, машины взбунтовались и загнали уцелевших под землю, после чего создали виртуальный мир, Матрицу, в которой и «живут» эти самые люди-батарейки. Ты думаешь, все на самом деле так?

— Да откуда же я знаю?! Посланцы сопротивления за мной пока что не пришли. Может вы отпугнули их своими рожами? — съязвил Слава. — И агентов я пока не видел ни одного…

— Кстати об агентах… — вступил в разговор Сергей, как Слава узнал из разговора — сисадмин в небольшой конторке, в свободное от работы время держащий свой сайт soft'a. — Ты никогда не задумывался, зачем Матрице агенты? Просто, по сюжету фильма…

— Защищать ее от вторжения, уничтожать повстанцев.

— Слава, — вклинился третий, Никита, укоризненно качая головой. — Мир — матрица! Если Бог захочет тебя убить — он что, должен послать за тобой архангела с пылающим мечом? Это его мир! Не проще ли будет подстроить незаметный несчастный случай, уйти от которого ты просто не сможешь. Банка масла на рельсах, и вот уже твоя голова катится кому-то под ноги… Или пусть передерутся две ядерные сверхдержавы, просто ради того, чтобы одним из взрывов накрыло тебя.

— Бред.

— Почему? Зачем Матрице агенты, если она может сама себя защитить? Сделать так, чтобы асфальт под твоими ногами обратился в лаву, сбросить тебе на голову бетонную плиту. Научить кошек летать…

Славу передернуло при воспоминании об отвратительном создании, ковыляющему к нему с ножницами, торчащими в горле. Хорошо этим троим — для них этого еще не случилось. И теперь, наверное, не случится.

А мысль-то, в общем-то, была логичной. Зачем Богу киллеры,

если он всемогущ…

— И какой из всего этого вывод? — спросил он. — Что против… против нас работает не вирус, а вся виртуальность? — он чуть было не сказал «против меня», но взглянув на тучи, куполом накрывшие город, передумал.

— Уже ближе, — кисло улыбнулся Андрей. — Вернемся к вопросу о том, что было вначале, яйцо, или курица. Для начала поверь, что «Матрица» — это лишь бред полутрезвых сценаристов, и на деле нет никаких машин и полей по выращиванию людей. Вопрос вот в чем, как ты думаешь, что было вначале? Виртуальность, или…

— Реальность, — без колебаний ответил Слава. — Виртуальность, или то, что мы зовем этим словом, появилось вместе с «Интернетом».

— «Интернет» лишь дал нам путь в виртуальность, — терпеливо, словно маленькому ребенку, разъяснял Андрей. — В своем роде, мы и есть виртуальность. Вначале был хаос — хаос информации, составленной из цифр…

— Пифагоризм? Число — первооснова? — спросил Слава.

— Какой, на хрен, пифагоризм! — взорвался Андрей. — Истина! Не гипотеза, не философский трактат — истинное строение мира. Виртуальность — это хаос. Хаос цифр. Наш мир, реальность — это порядок. Мир формул и законов. В виртуальности нет закономерности, нет порядка, нет форм — это все привнесли туда мы, открыв туда вход, войдя в сеть и начав изменять числовой хаос. Люди сковывают виртуальность, подчиняют ее себе самым простым способом — упорядочивая ее.

— А ей это не нравится… — начиная понимать то, о чем ему говорят, пробормотал Слава.

— Это ее убивает, — закончил за Андрея Никита.

— И она защищается…

Слава почувствовал, как по спине скатываются липкие капли пота. Против него — не абстрактный троян, названный им вирусом бабочки. Его хочет уничтожить целый мир, олицетворение хаоса и пустоты.

— Пойдемте отсюда, — сказал он, кивая на ближайшую подворотню, поговорим где-нибудь во дворах.

— Скоро она должна подойти? — Сергей уловил ситуацию на лету. Впрочем, чему тут было удивляться — они же нашли его, значит знали и о Кате.

— Через пол часа — максимум, — ответил Слава, взглянув на часы. — И у меня такое чувство, что она уже давно перестала быть собой.

Все трое согласно кивнули, признавая его правоту. Андрей первым двинулся во дворы, остальные последовали за ним.

Удивительное дело, переход из центра города всего-то на пару шагов вглубь, уже давал ощущение шага в виртуальность. Яркий даже в дождь, цветной и холеный Красный Проспект, казалось, был создан специально для иностранцев, время от времени посещающих город. Но стоило шагнуть во дворы все того же Красного Проспекта, и все кардинально менялось. Здесь можно было наткнуться на бомжей, распивающих пиво у подъездов, на кучи собачьего помета прямо на тротуаре, на покосившиеся деревянные сооружения, служившие с былые годы не то складами, не то и вообще жилыми домами. Даже стена дома, отделявшего яркий, упорядоченный мир центра от хаоса его задворок, и то разительно менялась. Снаружи на доме не было ни единой трещинки, стены украшены яркими лампами, создававшими ночью великолепную иллюминацию. Внутри же — дом, как дом. Серый и обыденный. Поцарапанный, словно болванка CD-Roma тысячелетней давности.

Они присели прямо на мокрую скамейку, совершенно не заботясь о чистоте своей одежды, наскоро прикрылись зонтами от мерзопакостного дождя, и продолжили разговор. Сергей подал идею спрятаться в подъезде, но остальные хором отклонили ее — их разговор не был предназначен для чужих ушей.

— Как я понял, — упавшим голосом заговорил Слава, — Теперь за мной охотится вся виртуальность. Так? Я вношу в нее упорядоченность, и она, защищаясь, хочет меня убить.

Парни переглянулись, и в их взглядах читалось раздражение.

— Ты так ничего и не понял, — ответил Андрей. — Ты, как раз, полезен для виртуальности. Ты вносишь хаос! Нет, не так, можешь провести хаос в наш мир!

— Тогда зачем же… — Слава осекся. Действительно, не за чем. Его никто не пытался убить, кроме, конечно, этих троих, ворвавшихся к нему домой в прошлый раз.

Старуха в подъезде лишь напугала его, крича вслед, чтобы он быстрее бежал домой и запустил загрузчик. Сошедший с ума, а точнее — подчиненный виртуальностью Гепард, стрелял в Катю, а не в него. Сама Катя, за которой он не раз замечал касание виртуальности — тоже не предпринимала против него враждебных действий. Она лишь дразнила его, подначивая на то, чтобы он вновь и вновь возвращался в этот день, на встречу с ней.

Отец и мать, а точнее — то, что ими управляло, тоже не стремилось нанести ему вред. Они хотели убить лишь Катю, твердо зная, что ради нее он вернется… Виртуальность лишь демонстрировала ему свое могущество, и даже более того, спасла

ему жизнь, когда Андрей пытался убить его.

Спасла ему жизнь, чтобы он мог загрузиться и попытаться все исправить.

— А что происходит с миром, из которого я ухожу? — спросил, вдруг, Слава, которого посетила внезапная догадка. — Я имею в виду, когда я загружаюсь — тот мир, что остается без меня… Что происходит с ним? Получается, что это — новая ветвь развития? Еще один мир… И при каждой загрузке будет возникать все новые и новые…

— Почти так, — кивнул Андрей. — Ты уходишь, мир остается. Создается новая ветвь, в которой уже не будет тебя. Но живет он не долго…

— Почему?

— Как ты назвал то, что едва не отхватило тебе сегодня руку?

— Worm…

— Worm из Worm'ов… — пробормотал Андрей. — Наверное, это судьба, или просто какая-то закономерность. Мы все его так называли. Просто очень трудно представить себе хищный мир, вот мы и придумываем себе аналогии. Режиссеры «Матрицы» придумали агентов-охотников. Мы же все представляли боевую часть виртуальность в виде червя.

— Как только ты уходишь в виртуальность, — продолжил за него Никита, — Она ощущает возмущения потоков информации в том месте, где ты начал загрузку. Можешь представить себе, что этот червь слеп, но может слышать, как ты входишь. И едва услышав тебя, он бросается туда, находит окно, открывшееся в тот мир, который ты только что покинул. В мир, ставший параллельным… Вползает в него и уничтожает его!

— Как? — вырвалось у Славы.

— Мы не знаем, — развел руками Андрей. — Виртуальность присоединяет этот мир к себе, обращает его в хаос. Ты можешь представить себе, что в один миг не станет целой Вселенной? Что вся она обратится в пыль, в бесконечный и безначальный поток чисел, которые никогда уже не станут упорядоченными значениями? И я не могу.

— Зачем?

— Виртуальность защищается. Наш мир — продукт ее жизнедеятельности, и я не смогу объяснить тебе, как это получилось. Просто хаос стремится к упорядочиванию, сам не осознавая это, и из этого упорядочивания возникла наша реальность. Порядок же стремится обратиться в хаос, таким образом между нами и виртуальностью существует некая связь, некий процесс, связанный в единое целое. Равновесие…

Но потом появились люди, которые нарушили это

равновесие, вклинившись в виртуальность и создавая в ней свои микромиры. Упорядоченные миры. И она вынуждена защищаться, чтобы сместить равновесие обратно, или вовсе уничтожить реальность, присоединить ее к хаосу.

А потом появились такие, как мы. Люди, интуитивно почувствовавшие родство миров, и научившиеся заглядывать в виртуальность. Мы вдвойне опасны для нее…

— Почему?

— Потому, — продолжил Андрей, — Что загружаясь, ты оставляешь после себя еще один мир. Новый мир, новый очаг порядка. И в нем также живут люди, способные изменять виртуальность. Но, уходя, ты оставляешь «окно», через которое Worm может проникнуть в этот мир, ставший нереальным для тебя, но остающийся реальным для всех, кто живет в нем. Стоит червю выбраться в реальность, как она исчезает…

— Обращается в хаос.

— Да, именно так. А потом червь уходит в виртуальность, в которой ты оставил четкий след.

— След… — пробормотал Слава, вспоминая ощущение холодящего душу взгляда, преследовавшее его в виртуальности. — Значит, он идет за мной…

— Да. Ты для него — путь в наш мир. И с каждой твоей загрузкой Worm все четче узнает тебя, ему все легче следовать за тобой. И однажды он догонит…

— Он уже почти догнал… — Слава потер левой рукой вновь занывшее правое плечо.

— Червю нужен не ты. Он ищет окно в наш мир, в последний очаг порядка, до которого не может дотянуться виртуальность. Тебе нужно объяснить, что будет. Если он догонит тебя?

Нет, объяснения были излишними. Крах мира. Победа хаоса…

— Значит, — медленно, следуя профессиональной привычке программиста раскладывать все по полочкам, заговорил Слава, — Виртуальность, или этот чертов Worm, хочет, чтобы я загружался еще и еще. Так он находит меня, и так собирается войти в наш мир. Тогда почему он не может просто подчинить меня себе, как подчинил моего отца? Просто заставить меня загрузиться…

— Человек, нашедший дорогу между мирами, становится неподвластен ему. Он может подчинять лишь тех, кто не подозревает о том, что они — не более чем продукт жизнедеятельности виртуальности.

Дождь, наконец, перестал моросить, окончательно сойдя на нет. Тучи рассеивались, и в маленьком просвете между ними выглянуло солнце, осветившее замутызганный дворик, тут же

засиявший всеми цветами радуги. Лужи радостно искрились, ловя последние дождевые капли, зазевавшиеся и слишком поздно упавшие с неба. Даже серость, казалось, уступила место блеску и солнечной желтизне.

Слава взглянул на часы… Семь ноль пять… За разговором он начисто забыл о Кате. О том, что пять минут назад он наступило время «Ч», ради которого он, собственно, сюда и приехал. Но нет, теперь уже не просто поздно. Теперь ему нельзя встречаться с ней, подвергая опасности. Червь слишком близко, и в следующую загрузку наверняка дотянется до него.

Остальные молча наблюдали за ним, ожидая его реакции, и Слава понимал их. Сейчас он был бомбой с запущенным часовым механизмом. Бомбой, способной уничтожить весь мир. И им выпало предотвратить взрыв этой бомбы.

— Так… — медленно заговорил он, — А теперь, когда вы мне доходчиво объяснили, в каком дерьме я оказался, раз уж пришли — расскажите мне и как из него выбраться.

Они молчали, опустив глаза в землю.

— Не понял? — чувствуя неприятный холодок в груди переспросил Слава, — Вы не знаете? Так, что ли? Но насколько я вижу, за вами не гоняются сумасшедшие братки, по вашей вине не начинается дождь и ваши родители не торопятся всадить вам нож в спину? При этом вы говорите мне, что тоже освоили загрузку?! Так какого хрена след из трупов тянется за мной, а не за вами? Как мне быть?!!

— Я не знаю, — заговорил Андрей. — Я понял, что за мной идут, загрузке так на второй, и тут же на меня обрушился целый каскад неприятностей. Но меня не прессовали так, как тебя. Меня уволили с работы, меня бросила подруга, я располосовал руку бутылочным стеклом и, на десерт, сдохла моя собака… Но чтоб так, как у тебя… След, который мы оставляем в виртуальности, достаточно зыбок, и рассеивается спустя несколько дней. Чем чаще ты ныряешь туда, тем он четче, и тем легче виртуальности обнаружить тебя здесь, в нашем мире. Но стоит несколько недель не пользоваться загрузчиком, и след рассеивается полностью, или почти полностью. Я месяц скрывался ото всех, стараясь быть как можно дальше от людей, и все закончилось. Что-то похожее было и у остальных. Но ты загружался слишком много… Червь чувствует тебя слишком явственно, и теперь не упустит. Если, как ты говоришь, в твою прошлую загрузку он просто изрешетил нас всех стеклом, то это значит, что он уже может манипулировать не только людьми, но и самой реальностью. Worm уже почти здесь… Впрочем, о чем я говорю — этот дождь — прямое тому доказательство.

— То есть, — стараясь держаться спокойно и не сорваться на крик, продолжил Слава, — Чтобы все вернулось на круги своя, мне нужно продержаться без загрузки примерно месяц, или около того?

— Я не знаю точно, за сколько развеется такой след, как оставил ты… Они не говорили мне об этом.

Слава машинально отметил это «они», решив отложить вопрос о том, сколько таких, как он вообще живет на земле. Сколько людей освоили загрузку, и каков шанс, что однажды Worm доберется до кого-то из них.

— Месяц… — пробормотал он, любуясь игрой яркого солнечного блика на крыше дома. — Но червь не даст мне этого месяца, так?

Андрей согласно кивнул.

— Он загонит меня в такие рамки, выход из которых мне будет только один — через загрузку… Он это делал уже не раз, и с каждым шагом ему удается это все легче и легче… Могут погибнуть все мои друзья, может начаться третья мировая… да все, что угодно.

— Ну, на счет третьей мировой — не знаю, но…

Слава вновь перевел взгляд на крышу, на такой яркий солнечный зайчик, весело искрящийся в солнечных лучах. Странно думать о том, что если Worm проберется в этот мир, то больше никогда не будет зайчиков. Ни серых, ни белых, ни солнечных… Не будет даже самого Солнца! Лишь хаос, выраженный в беспорядочных потоках информации.

Сколько времени пройдет, прежде чем из хаоса вновь возникнет порядок? Прежде чем первооснова — число — вновь сыграет свою роль в сотворении мира? А сколько тысячелетий уйдет на то, чтобы из газового облака вновь сформировалось Солнце и вспыхнуло тысячами ярких бликов, дающих жизнь планете под названием Земля? Да и будет ли в том, новом мире Земля?

Слава попытался представить себе хаос, но не смог. Мир, в котором параллельные прямые могут пересекаться, уже просто потому, что в нем нет понятий «параллельность» и «прямая». Мир, в котором жизнь заменена информацией, не имеющей упорядоченности, а, следовательно, и смысла…

Хаос… Быть может, после смерти мы как раз и погружаемся в хаос, если отбросить прочь теории рая и ада. Или ад — это, как раз, и есть хаос? Хаос, который невозможно даже вообразить, настолько он велик.

— Так что же мне остается? — сам себя спросил Слава.

— Не тащить мир за собой. — тихо ответил на его вопрос

Андрей.

— То есть, мне уже конец, да?

Андрей не ответил. Сергей и Никита тоже предпочли промолчать. Действительно, зачем комментировать очевидное?

— Андрей, а о ком ты говорил? — чисто автоматически спросил Слава, думая совершенно о другом. Сейчас он выбирал подходящий способ самоубийства.

— Не понял? — переспросил тот.

— Ну, ты говорил, что-то в духе того, что «они тебе этого не сказали.» Кто «Они»? сколько вообще таких, как мы? Со сколькими из них вы поддерживаете связь?

Интересно, а позволят ли ему умереть? Не порвется ли веревка, на которой он попытается повеситься? Не прогнется ли под ним асфальт, если он спрыгнет с крыши дома? Как далеко простираются возможности червя, почти проникшего в реальный мир? Может ли он превратить цианид в безвредный анальгин?

— Да, и вот еще что, — продолжил Слава, не глядя на собеседника, — А как вы вообще меня находили? Тоже чувствовали след?

Андрей, вдруг, резко отшатнулся от него и начал заваливаться на спину, широко распахнув удивленные глаза. Никита с Сергеем метнулись. Было, к нему, чтобы подхватить под руки, видимо решив, что тот просто поскользнулся или что еще, но небольшое красное отверстие в его лбу говорило само за себя.

Обмякшее тело рухнуло на асфальт, погнав небольшую волну в луже, занимавшей, практически, весь двор. Слава оторопело смотрел, как по лбу Андрея сползает тоненькая струйка крови, вытекшая из аккуратной раны, оборвавшей его жизнь. Осознание того, что блестело на крыше дома пришло за доли секунды до того, как глаз Сергея превратился в черный провал, а из его затылка вырвался фонтан ярко-алых брызг — на этот раз пуля прошла навылет.

Никита метнулся в сторону, за широкий ствол клена, ища там укрытие, но третья пуля настигла его двумя секундами раньше, вонзившись в спину между лопатками. Его швырнуло вперед, лицом в грязь, где он и остался лежать, как живое опровержение поговорки о «пуле-дуре». Маленькая стальная пчелка была не так глупа, как ее обычно представляли, особенно если стрелять метров с тридцати, да еще и с оптическим прицелом.

Слава так и остался стоять посреди двора, наблюдая, как на крыше дома во весь рост поднимается человек, держащий в руках оружие. Винтовка или автомат? Скудные познания об оружии подсказывали Славе, что сделать три выстрела подряд из

снайперской винтовки невозможно — у нее, вроде бы, должен быть всего один патрон в стволе. Хотя, кто знает, как далеко зашла современная техника смерти. Да и, собственно, какая разница?

— Ну? — крикнул он темной фигуре наверху, — А в меня шмольнуть не хочешь?

Человек отрицательно покачал головой.

— Тогда я пошел? — глупо спросил Слава.

Человек кивнул, делая шаг к краю крыши.

Слава отвернулся, интуитивно чувствуя, что сейчас произойдет. Кто бы это ни был — лучший киллер района, спецназовец, специально сдернутый из своей части ради ликвидации трех опасных преступников, да хоть сам Леон, волею хаоса заброшенный сюда из воображаемого мира, созданного Бессоном — виртуальность не собиралась оставлять в живых марионетку, исполнившую свою роль.

Слава склонился над телом Андрея, стараясь не смотреть в его стекленеющие глаза. В кармане плаща и в самом деле оказался нож. Хороший, охотничий, с широким и острым, словно, бритва лезвием. Глухой стук за его спиной возвестил о том, что тело достигло земли.

На долю секунды Слава замешкался, решаясь, не стоит ли вместо ножа взять оружие убийцы, но, в конце концов, решил, что добираться до дома с огнестрельным оружием в руках будет трудновато. По большому счету ему не был нужен даже нож — виртуальность не причинила бы ему вреда. Разразись сейчас страшное землетрясение, взорвись солнце или рухни на город атомная бомба — он обязательно стался бы жив. Виртуальность хранила свой ключ к реальному миру.

Он повернулся, намереваясь уйти, но вместо того, чтобы двинуться к арке, выходящей на Красный Проспект, зачем-то бросил взгляд туда, куда должен был упасть стрелявший человек. Фигура в черном балахоне и в самом деле была там, но снайпер не погиб. Он медленно полз к нему, цепляясь окровавленным пальцами за мельчайшие выступы асфальта, оставляя за собой кровавый след.

— Ноги… — прошептал стрелок, — Ноги отнялись. Помоги…

Подчинившись странному порыву Слава сделал шаг к нему.

— Ты помнишь меня? — спросил он, глядя в полные боли глаза человека.

— Нет… Помоги… Позови на помощь!

— А их? — Слава указал на распростертые на земле тела своих недавних собеседников.

— Помню… как стрелял в них…

— Зачем ты стрелял? Кто приказал тебе?

Глаза человека, вдруг, превратились в два декоративных хрустальных зрачка, а залитые кровью разбитые губы оскалились в хищной ухмылке. Уперевшись руками в землю он словно бы решил поупражняться в отжимании, но вместо этого, не сводя со Славы холодного взгляда, оттолкнулся от земли, рывком принимая вертикальное положение. Отвратительно хрустнули раздробленные кости ног, и стрелок начал заваливаться направо, на подгибавшуюся ногу… Пытаясь устоять он рухнул на колено, отчего что-то хрустнуло уже в его спине. Он изогнулся дугой, словно потянувшись, а затем стал медленно поворачиваться спиной к Славе, продолжая смотреть на него…

Слава, словно загипнотизированный, смотрел, как человек, медленно перебирая коленями, поворачивается на 180 градусов, оставляя голову в прежнем положении и не сводя с него стеклянного взгляда.

— Я приказал ему! — чужим голосом заговорил снайпер. — Приказал потому, что иначе они убили бы тебя. Тот нож, что ты держишь в своей руке… Он зарезал бы тебя им, словно глупого барана!

Хрустнули шейные позвонки, и голова безвольно повисла на сломанной шее, но протянувшиеся к ней руки стрелка вновь направили ее жуткий взгляд на Славу. Пожалуй, в глаза Медузы Горгоны было больше теплоты… Наверное, потому, что не смотря на всю свою дьявольскую сущность это мистическое чудовище все же принадлежало ЭТОМУ миру…

— Давай познакомимся, Славик? — своим настоящим голосом заговорил стрелок. — Меня зовут Алексей. Я работаю охранником возле маленького ювелирного киоска неподалеку отсюда. У меня жена и маленькая дочка Сашенька… Когда я не на работе, я стараюсь как можно больше времени проводить с ними… Знаешь, Славик, недавно у Сашеньки начали резаться ее первые зубки! С одной стороны, я рад за нее, но с другой… Бедняжка так плачет! Ведь ей больно… но наверняка она страдает гораздо меньше, чем страдаю сейчас я. Страдаю по твоей вине!

Наверное, так удав смотрит на кролика перед тем, как проглотить его… Слава слушал этот монолог, не в силах пошевелиться, парализованный страхом и волей существа, вселившегося в это тело. Не знай он, что говорит с Worm'ом, пришедшем из виртуальности — он решил бы, что перед ним сам Дьявол. Впрочем, так ли уж и велика между ними разница?

— Славик? — теперь это был голос его матери. Тихий, вкрадчивый, умоляющий… — Ты знаешь, как это больно, прыгать с крыши шестиэтажки? Ты чувствовал когда-нибудь, как, будто

спички, ломаются твои кости, и как их осколки входят в плоть? А ощущал ли постоянный вкус крови во рту? Вкус, от которого не избавиться никак. Мне больно, Слава… Очень больно. Ты, ведь, поможешь мне? Поможешь этому человеку?

— Ты не моя мать. — прошептал Слава, сжимая рукоять ножа.

— Конечно нет, — вновь сменив голос на голос хозяина тела, заговорило существо, — Я не твоя мать. Для друзей я — просто Леха… Можешь меня так и называть. Меня попросили зайти в оружейный магазин и забрать ружье… Там меня уже ждали… Они отдали мне ружье и патроны, а затем сами приставили к своим вискам пистолеты и нажали на курки. Восемь трупов, Славик, и все это — из-за тебя. Да, ты прав, я не твоя мать. Но откуда ты знаешь, что найдешь, придя домой? Может быть, как раз сейчас твоя мать страдает гораздо сильнее, чем моя Сашенька от своих режущихся зубов?

Полуоторванная голова подмигнула ему, едва заметно шевельнув ресницами.

Где-то неподалеку раздался женский визг и последовавший за ним быстрый стук каблуков по асфальту. Затем — скрип тормозов и глухой удар. Слава даже не оглянулся, чтобы посмотреть, кого именно сбила машина под аркой — какая разница. К тому же он просто не мог оторвать взгляда от существа, стоявшего перед ним. Тело человека менялось на глазах, растекаясь и удлиняясь. Казалось, в его теле не осталось ни одной целой кости, и сейчас он, будто слизень, меняет свою форму. Руки отпустили втягивающуюся в плечи голову и, прижавшись к бокам, стали также сливаться с вытягивающимся в длину телом. Ноги срастались вместе, образуя… Образуя хвост. Хвост змеи. Удава? Или, быть может, червя.

— Оглянись. — прогнусавило существо, извиваясь всем телом. Черный балахон растекался по туловищу червя, меняя цвет, превращаясь в равномерную серость.

Подчинившись, Слава обернулся. Андрей стоял в двух шагах позади него, вытянув руки по швам, словно по стойке смирно. Глаза его были закрыты и создавалось впечатление, что он видит все вокруг через маленькую рану во лбу, оборвавшую его жизнь.

— Я умер из-за тебя. — спокойно и размеренно констатировал он. — Ты должен меня спасти.

Хвост червя обвился вокруг Славиных ног. Вязкая слизь, проникнув сквозь джинсы, обожгла могильным холодом… Когда уродливая безглазая голова червя с овальным ртом, усеянным мелкими зубами, оказалась на уровне его лица, Андрей заговорил вновь.

— Ты должен загрузиться!

— Нет.

У Славы перехватило дыхание, когда червь сдавил его в своих объятиях.

— Должен загрузиться! — прошелестел он, обдав Славу смрадным запахом из темного провала рта. — Тогда все вернется на свои места. Все вернется…

— Тогда ты победишь… — задыхаясь прошептал он, и в тот же миг хватка червя ослабла, давая ему вздохнуть.

— Да, я возьму верх, — равнодушно прокомментировал Андрей, — Но что потеряешь ты?

— Мир… Я потеряю все это.

— Но ты приобретешь новый! Мир, в котором нет зла, поскольку нет и добра. Мир свободы и равенства…

— Безжизненный мир хаоса.

— То, что вы называете хаосом, тоже живет, но живет по своим законам, которых тебе пока не понять. Хаос — это не пустота, и не беспорядочный поток чисел. Хаос — это единое целое, один большой муравейник, в котором каждому найдется место.

— Но не человеку… — прошептал Слава, слыша, как шелестит по мокрому асфальту тело отползающего прочь червя.

— Само понятие «человек» не применимо к хаосу. Мой мир живет по другим законам, и они понравятся тебе, если ты пойдешь со мной. Войдешь в меня…

— Мне нужна машина! — вдруг выпалил Слава, подчинившись какому-то внезапному порыву.

— Что? — в ровном голосе виртуальности, вошедшей в мертвое тело Андрея, впервые прорезалось удивление.

— Я сказал, что мне нужна машина, чтобы добраться до дома. Там я загружусь!

Из-под арки послышался ровный гул мотора, и секунду спустя новенькая черная «Волга» остановилась перед Славой, маня его открытой со стороны водителя дверцей. Машина была пуста…

— Не думал, что ты так просто сдашься… — изрек Андрей.

— А я и не сдаюсь, — впервые за все это время Слава позволил себе улыбнуться. Улыбнуться, глядя в мертвое лицо виртуальности. — Я просто хочу спасти всех этих людей. Этих, и других, кого ты еще можешь погубить.

Андрей расхохотался, открыв, наконец, глаза, полные вязкой ночной черноты. Расхохотался, словно безумный, и небо вторило ему отдаленным раскатом грома. Слава не слышал этого смеха — дверца «Волги» захлопнулась, едва он опустился на водительское

сиденье, и машина мягко тронулась с места, сама выбирая дорогу.

У него был план. Четкий и ясный, но не имеющий под собой никакого логического обоснования. Он ставил на карту все — свою жизнь, и жизни миллиардов людей, которые оборвались бы в тот миг, когда червь проникнет в реальный мир окончательно. Пан или пропал… Ва-банкъ! Но отчего-то Слава был уверен в успехе.

«Волга» неслась по Красному Проспекту, залитому умытыми дождем солнечными лучами. Светофоры автоматически включались на зеленый свет, когда машина приближалась к ним, ГИБДДшники бодро прятались в свои будки, убирая подальше радары. Сейчас Worm был в машине… прятался где-то рядом с урчащим мотором или, быть может, облюбовал себе в качестве убежища механизм стеклоподъемников. Виртуальность сопровождала свой ключ к власти над миром до двери, которую он должен был открыть.

Лобовое стекло заискрилось разноцветной радугой, когда на нее упал отраженный от стекла встречного автобуса солнечный луч, и тут же на нем расцвели позолоченные буквы.

«А ты молодец… Хорошо держишься…»

— Стараюсь… — Слава улыбнулся своему новому союзнику, не зная, где именно тот находится и как видит его, но будучи твердо уверен в том, что он сейчас следит за ним.

Машина сбилась с ровного хода, вильнув вправо и едва не зацепив бампером фонарный столб.

— Полегче! — крикнул Слава, подавляя инстинктивное желание вцепиться в баранку обеими руками. — Если я не доеду живым до дома, тебе ничего не светит. Я не смогу загрузиться, если умру.

«Волга» вновь выровнялась, перестраиваясь в левый ряд.

«Worm не может видеть меня. Он не знает, что я говорю тебе.»

«Но он видит тебя… Он слышит тебя…»

«Он следит за тобой!»

«Остерегайся!»

«Не выдай ему меня…»

Машина дернулась, словно от удара.

— Не обращай внимания! — крикнул Слава, обращаясь к виртуальности, — Это я сам с собой. Знаешь, червь, ведь это у всех гениев такая привычка, беседовать самим с собой! Быть может и мне Нобелевку дадут, а? За прорыв в компьютерной технике. Посмертно…

Он весело рассмеялся, отчего машину вновь занесло и

встречная «Тойота» едва успела шарахнуться прочь.

«Не бойся виртуальности.» — поведали солнечные буквы на лобовом стекле.

«Не только ее червь умеет находить людей по следу!»

«Не только она может изменять этот мир, находясь в своем.»

«У хаоса тоже есть свои законы,»

«А значит их можно использовать в своих целях!»

Волга миновала Инской мост и еще прибавила ходу, разогнавшись едва ли не до 200 километров в час. Слава не смотрел на спидометр, боясь того, что может там увидеть. Хотелось верить, что вездесущий Worm в своем стремлении как можно быстрее доставить ключ к двери, не допустит ошибки, и не угробит этот ключ, впечатав его в бетонную стену на сумасшедшей скорости. Хотелось верить, что тот другой, говоривший с ним сейчас, тоже не допустит такого финала. Сумеет помочь…

«Волга» затормозила возле дома так сильно, что Славу, так и не удосужившегося пристегнуться, бросило грудью о руль.

— Что б тебе ночами дроны снились! — бросил он свое любимое геймерское проклятье, выбираясь из машины, услужливо открывшей дверцу. Вопрос о том, видит ли виртуальность сны, его сейчас не занимал…

Дверь квартиры, естественно, была открыта. Отец и мать, естественно, уже ждали его на пороге, улыбаясь отстраненными улыбками людей, зараженных worm'ом — попавших под контроль виртуальности.

— Привет, папа. Привет, мама, — бодро поздоровался он, широко улыбаясь. — Что у нас сегодня на ужин? Черви под томатным соусом, или томатный соус с червями?

— А что бы предпочел ты, касатик? — спросила мать, в голосе которой, однако, не чувствовалось издевки. Виртуальность не понимала, что он задумал. Видела, что у него есть какой-то план, но в чем он заключался — даже не догадывалась… И это давало дополнительные шансы на успех. Если в этой ситуации успех, вообще, в принципе, был возможен…

— Для тебя — все, что угодно, — ответил отец, — Только у тебя, кажется, остались какие-то незавершенные дела в твоем компьютере?

— Да, есть парочка, — разуваясь ответил Слава, попутно вытаскивая из кармана нож Андрея, — Вот прямо сейчас пойду, и их закончу. Мне потребуется не больше часа… А пока…

Он не успел договорить. Одним прыжком отец оказался подле него и, взяв за грудки, рывком поднял его в воздух.

— Не больше часа? — прорычал он, припечатав Славу к

двери, отчего тот больно ударился об нее затылком. — Что ты задумал?!

Вместо ответа он плавно, насколько это было возможно в подвешенном состоянии, поднял вверх руку с зажатым в кулаке ножом и, бросив ножны на пол, приставил нож к собственному горлу.

— Отпусти, — мягко сказал он, не пытаясь вырваться.

— Иначе что?!

— Иначе я перережу себе глотку. Я — твой ключ, червь! Если я умру — ты потеряешь его.

Отец нехотя поставил его на пол и сделал два шага назад.

— Я могу убить ее, — он небрежно указал рукой на мать, — Могу убить его, — он говорил о себе в третьем лице, давая понять, кто сейчас управляет этим телом, — Я могу завалить трупами всю эту квартиру, весь этот дом! У меня уйдет на это много времени, но я сделаю это, ты знаешь.

— Знаю. — согласился Слава.

— И тебе придется загрузиться!

— Я ведь уже сказал тебе, что я загружусь и так. Ты уже натворил достаточно. Если еще кто-то умрет — вместе с ним умру и я.

— Я могу отобрать у тебя этот нож!

— Отбери, — равнодушно пожал плечами Слава, — Я найду другой. Выпрыгну из окно, брошусь под машину. Ты многое можешь, червь, но ты не всемогущ. Если я захочу умереть — ты не остановишь меня. Поэтому в течение ближайшего часа ты будешь делать то, что скажу я, не больше и не меньше!

— Чего ты хочешь? — после секундного колебания спросил отец.

— Для начала — тишины и покоя. Мне нужен мой компьютер и час свободного времени. Час, или около того… А потом я загружусь, и ты получишь то, чего так хочешь. Этот мир…

Родители, а точнее — то, что в этот момент контролировало их, отступили к стене, молчаливо давая понять, что правила игры приняты, пропуская Славу в его комнату, к компьютеру.

«Все правильно…» — сообщило ему оконное стекло, когда он проходил мимо.

Мир — Матрица. Люди — батарейки. Взаимоотношения реальности и виртуальности сложны, но одно в них ясно, как божий день. Как один мир может влиять на другой, так и другой — влиять на первый, изменять его. Раз жизнь, волею виртуальности, породившей ее, начинает напоминать игру, значит в этой игре можно сохраняться. Раз жизнь — игра, раз в ней возможно сохранение, значит можно и взломать ее! Ввести

читы, или что-то подобное им.

Теперь Слава понимал, откуда взялось озарение, толкнувшее его на создание загрузчика. Понимал почему «Гипнотик» погружал его в виртуальность, хотя эту заставку он писал от балды, даже не думая, что она когда-то принесет хоть какую-то пользу. Так, тренировался работать в «Делфях». Осваивал графические модули программы…

Виртуальность, хаос — это единый живой организм. Реальность, порядок — пусть и не столь единый, но тоже живой. И миры борются друг с другом, стремясь возобладать над противником… Хаос против порядка!

Мирам не нужны агенты, не нужны люди-в-черном. Миры просто используют свои внутренние ресурсы для уничтожения противника, или, хотя бы, для поддержания равновесия. Ударная сила виртуальности — worm, проникающий в структуру порядка. Ударная сила порядка?… Такие, как он! Те, кто оказался готовым к тому, что услышать голос своего компьютера, подсказывающий им, как проникнуть в виртуальность. Как загрузиться, создавая, тем самым, новые миры. Новые очаги порядка в океане хаоса.

Но как же хрупка защита этого мира, раз всего одна ошибка одного из таких взломщиков виртуальности может привести к его гибели! Значит нужно не совершить ошибки! Не позволить червю проникнуть сюда. Сбить его со следа! Проще всего сделать так, чтобы червь не проник сюда — начать загрузку, но не довести ее до конца. Остаться в виртуальности… Но тогда это не более чем изощренный метод самоубийства.

Но если удастся обеспечить себе защиту в виртуальности, то…

Слава запустил стандартный блокнот, загрузил в него готовый шаблон веб-страницы с основными наборами Javascript'ов, и задумался, всматриваясь в таблицы тегов и цифр. Если несколько минут назад идея взлома жизни казалась ему простой и привлекательной, то сейчас он достаточно смутно представлял себе, как воплотит ее в действие.

Жизнь — игра. Игры можно взломать, а затем изменить в них некоторые параметры. Одна цифра, и слабенький герой превращается в терминатора с бесконечными очками жизни. Еще одно маленькое изменение программного кода, и очки здоровья бойца возрастают в десятки раз.

С играми все просто… Во время игры каждому определенному параметру присваивается некое значение. Мощь удара героя равна пяти — значит где-то в громадном массиве цифр скрывается одно значение, равное пяти. Да, этих пятерок может быть сотни или даже тысячи, но и на этот лом есть свой

прием. Допустим, геймер не знает точного значения мощи своего героя. Тогда он просто задает во взломщике поиск всех возможных значений. Затем, допустим, герой выпивает зелье силы и его мощь возрастает. Неизвестно насколько, но возрастает… Тогда геймер просто дает программе-взломщику задание отсеять все те числа, что не изменились. И рано, или поздно, после серии определенных изменений, он обязательно найдет искомое число…

Слава намеревался взломать жизнь. Взломать саму виртуальность, прошерстив ее на предмет значений, отвечающих за силу, выносливость, скорость… Да хоть сотню чисел, которые помогли бы ему стать неуязвимым для червя. Интересно, скажем, в некоторых играх можно приобрести «уловки», благодаря которым другие герои не могут видеть тебя на карте… Здорово было бы таким образом сбить со следа червя…

Но как взломать жизнь? Как обеспечить целенаправленный поиск изменившихся значений? Да и что искать?

Солнечный луч, отразившись от стекла шкафа позади Славы, упал на монитор, вспыхнув яркой надписью:

«Задействуй несколько анкеров…»

Все было просто, как и все гениальное. Как в реальности мы можем путешествовать вдоль трех измерений, так в виртуальности возможно передвигаться вдоль оси времени! Именно на этом принципе он, сам того не осознавая, создал свой загрузчик!

Создать несколько анкеров! В первом его «очки здоровья» будут полны, во втором немного уменьшатся, в третьем — еще чуть-чуть… Десяток анкеров, и он найдет то или иное значение!

Слава положил руки на клавиатуру, мысленно переводя самодельный взломщик игры с языка «Делфи», которым он обычно пользовался, на более привычный «Интернету» «JavaScript». Программа должна последовательно анализировать несколько анкеров на предмет определенных значений… Конечно, это увеличит время его пребывания в виртуальности — программа будет обрабатывать числа достаточно долго, но Слава надеялся, что тот, кто сейчас говорил с ним из мира хаоса, не останется в стороне.

Этот житель виртуальности был его единственной надеждой…

Что будем ломать? «Очки здоровья» — в обязательном порядке. «Силу»? — так ли она нужна в виртуальности? «Опыт»! Вот это — тоже обязательно. «Скорость»… Скорость передвижения в виртуальности? Пригодилась бы, вот только как бы ее ломануть?…

Пальцы сами побежали по клавиатуре, набивая те, или иные коды и теги программы. Поиск в массиве чисел всех возможных, затем цикл, повторяющийся пять — десять раз, в процессе которого отсеиваются не изменившиеся числа и создается новый массив, в котором лежат числа, среди которых и скрывается нужное. И, наконец, вывод того единственного числа, которое останется после всех преобразований, с его изменением. Не мудрствуя лукаво Слава просто-напросто задал программе увеличить найденное число в тысячу раз, и вновь вернуть во владения виртуальности.

Набросав программный код Слава в который раз задумался о том, как изменить искомые значения. Очки опыта…

Он создал новый анкер, вписал его имя в программу и взял с полки энциклопедический словарь. Можно ли измерить опыт знаниями? Он надеялся, что можно…

«Битум»… — прочел он заголовок, отметив про себя, что никогда раньше не задумывался об определении этого вещества. Быстро почел статью, посвященную битумам и создал новый анкер, как всегда являющийся лишь фотографией — отражением действительности.

«Анкер, — объяснял ему Андрей, — Он не в компьютере и не в фотографии. Он в твоей голове! Ты фиксируешь место и время, в которое хочешь вернуться, и именно это накладывает отпечаток на виртуальность. А фотография, которую мы вставляем в загрузчики — это лишь образ, помогающий тебе обратиться к регистру памяти в своем собственном мозгу!»

На этом анкере он знает чуточку больше, чем на предыдущем…

Новая статья в словаре, и новый анкер, на котором его знания увеличились еще на какую-то величину, численное олицетворение которой обязательно найдется в виртуальности. Новая статья — новый анкер… Последовательность изменений, которые должен будет найти встроенный в загрузчик взломщик виртуальности. Десять анкеров… Подумав, Слава изменил процедуру поиска «опыта» с поиска изменившихся значений на поиск увеличивающихся. Так, наверное, будет проще.

С очками здоровья оказалось сложнее… Как заставить их увеличиваться? Уменьшаться — теоретически можно, но как отследить это изменение?..

— Что ты делаешь? — спросила мать, тихо входя в его комнату.

Первым стремлением Славы было тут же свернуть программу, но он подавил это желание. Какая разница — виртуальности наверняка известно, что он задумал.

— Готовлюсь, — ответил он, — Я же сказал, что еще не сдался.

Мать укоризненно покачала головой.

— Не забывай, ты, ведь, дал слово.

— Я помню, червь, — глядя в глаза существу, завладевшему телом его матери, ответил Слава. — Я помню.

— У тебя нет выбора, — ответила мать и, не говоря больше ни слова, вышла из комнаты.

— Есть… — тихо прошептала Слава, прикасаясь к рукояти лежащего на столе ножа. — В любой момент я могу умереть!

Решение проблемы пришло тут же. Очки здоровья… Что есть их плавное уменьшение, как не медленная дорога к смерти? Не колеблясь больше ни секунды он полоснул ножом по запястью левой руки, глядя, как на ковер падают первые капли крови. Настоящей крови, а не виртуальной — как в прошлый раз, когда он сидел на этом же месте, глядя на страшную рану на своем плече. Тогда червь лишь слегка «куснул» его на выходе из виртуального мира… Наверное, именно так он собирается пробраться в этот мир — догнать и уничтожить очередного хакера и, каким-то образом воспользовавшись его телом, а, быть может, и мозгом — сойти в реальный мир с монитора компьютера.

Интересно, как будет выглядеть гибель мира? Исчезнет ли мироздание в тот самый миг, когда виртуальность откроет в него дорогу? Или это будет поступательный процесс, развивающийся, словно цепная реакция?

Мир, соприкоснувшийся с антимиром…

Мать вновь вошла в комнату. Нет, не вошла — влетела, с лицом, перекошенным от ярости.

— Ты все же решился?! — выкрикнула она, бросаясь к Славе и зажимая руками рану на его запястье.

— Нет, — поморщившись от боли отозвался он.

— Ты же вскрыл себе вены!

— Только одну, червь, да и то не за тем, чтобы отбыть в мир иной.

Мать подняла на него стеклянные глаза, свидетельствовавшие, как уже успел усвоить Слава, о полном контроле виртуальности над человеком.

— Что ты задумал?! — в ее голосе отчетливо слышалось беспокойство. Не за него, нет… За то, чем он являлся для нее. Как бы ключ от мира не умер у нее на руках.

— Не твое дело! — резко ответил Слава. — Выйди вон, пока я не истек кровью! Ты все равно уже ничего не сможешь сделать! Дай мне еще пять минут, и я загружусь.

— Тварь… — проскрежетала мать, отступая к стене, — Я буду

рядом.

— Будь, — пожал плечами Слава нажимая на кнопку затвора фотоаппарата. Выждал тридцать секунд, и сделал еще одну фотографию. Затем еще и еще… десяток фото-анкеров, по которым пройдется взломщик, отыскивая, что же в них изменилось. Его очки здоровья, непрерывно покидавшие Славу, уходившие вместе с кровью.

Он добавил анкеры в программу и подключился к «Интернету», готовясь загрузить программу в сеть. Минут пять на загрузку — слишком уж тяжел получился файл с программой, набитый фотографиями, как матрас ватой.

И вновь озарение, от которого у Славы мороз побежал по коже. На всех последних фотографиях зафиксировано, как кровь вытекает из его раны. Как ее становится все меньше и меньше… Вот, что за число найдет загрузчик! Число. Отвечающее за количество литров крови в его организме, и не более того.

Чувствуя во всем теле предательскую слабость от кровопотери, Слава огляделся вокруг, игнорируя испепеляющий взгляд матери, направленный на него. Уменьшить очки здоровья еще чем-то… Вот оно!

Он встал и, пошатываясь, одолел пару шагов, отделявшие его от тумбочки с телевизором. Российский «Витязь»… Солидный телевизор, куда более громоздкий и тяжелый, чем импортные аналоги.

В дверях появился отец, также молчаливо наблюдавший за ним. В стеклянных глазах застыла холодная, хрустальная ненависть.

Проклиная себя за глупость и молясь, чтобы не потерять сознание сейчас, Слава рывком поднял телевизор и, чувствуя, что все равно больше не удержит его в руках, обрушил его на пальцы ноги, стиснув зубы в ожидании боли. И боль не заставила себя ждать…

Стараясь не касаться пола раздробленными пальцами, он вновь доковылял до кресла и создал очередной анкер. Будет ли этого достаточно, или для пущей убедительности стоит сломать себе еще что-нибудь?

— Червь! — тихо, сквозь зубы, позвал он, — Мне нужен молоток!

— Нет.

— МНЕ НУЖЕН МОЛОТОК!

Мать и отец молчали… Слава обернулся к ним, чувствуя, как два обжигающе холодных взгляда скрестились на нем.

— Червь, я умираю, — насколько мог спокойнее сказал Слава, чувствуя, что ничуть не грешит против истины. По всему телу

разливалась слабость, а в ноге пульсировал тугой комок боли.

— Загрузись! — в один голос ответили оба.

— Дай мне молоток, и я сделаю это. Я не хочу умирать!

Он не видел, откуда в руке матери появился молоток — она просто протянула его Славе, сопроводив это злобным шипением.

— Все равно у тебя ничего не выйдет! — сказала она, нехотя отпуская рукоятку.

— Посмотрим!

Времени оставалось все меньше и меньше. Слава чувствовал, что вот-вот потеряет сознание. Положив левую руку на стол он широко размахнулся правой, нанося удар… Боль был почти не ощутимой — наверное, именно так, под болевым шоком, смертельно раненные солдаты и продолжали идти на приступ…

Еще один анкер, на этот раз — уже точно последний. С трудом попадая пальцами правой руки по клавиатуре и еле-еле ворочая ставшей, вдруг, такой тяжелой, мышью, Слава вмонтировал его в программу и нажал на кнопку «загрузить», отправляя еще немного потяжелевший файл на свою страничку в «Интернете».

— Все! — тяжело выдохнул он, когда на экране появилась надпись «Файл „load.html“ загружен в корневую папку».

Единый в двух лицах червь, стоявший у него за спиной, промолчал. Быть может, он уже покинул тела его родителей, полностью отдавшись виртуальности, готовясь к самой важной охоте в своей жизни — к охоте на человека, который стал бы для него ключом. Но Слава не собирался помогать виртуальности открыть дверь, разделяющую миры.

На экране вспыхнули разноцветные круги «Гипнотика», погружающие его в виртуальность. Впервые Слава задумался о том, чем был «Гипнотик» — этакой программой-водоворотом, затягивающей в мир хаоса. Реальность растворялась в серости потоков информации, боль уступала место уже ставшей привычной расслабленности и ощущению отсутствия массы, отсутствия самого тела. Слава скользнул в хаос, готовый к последнему рывку.

Загрузчик вновь, как и раньше, увлекал его к анкеру — к той фотографии, что Слава сделал эталоном для взломщика. К тому моменту, в котором он еще не вышел из дома, направляясь на встречу с Катей. Только теперь, параллельно с этим движением, он ощущал и другое — движение битов вокруг него. Взломщик анализировал сотни тысяч комбинаций цифр, выискивая те, что будут продолжать изменяться на всех анкерах…

Слава прислушивался к своим ощущениям, надеясь уловить

тот момент, когда нужное число будет найдено и с ним начнут происходить изменения… Какие? — он не знал. Как, находясь в виртуальности, он поймет, что возрос его «опыт»? Как ощутит изменение «здоровья»? Какое из изменений застигнет его первым?

Сейчас сознание было ясным и четким, не затуманенным потерей крови и растекающейся по всему телу болью. Он вновь явственно чувствовал на своей спине чей-то злобный взгляд, и память услужливо подкидывала воспоминание из реальности, отождествившееся с этим взглядом. Взгляд родителей, незадолго до того, как он нырнул в виртуальность… Холодный, словно принесенное с мороза стекло, взгляд Worm'a!

Червь шел по его следу, безошибочно находя его среди миллиардов бит информации, развеянной в хаосе.

Под этим жутким взглядом, сверлившим спину между лопаток, к Славе вновь вернулся страх. Страх провала! А с чего он, собственно, взял, что сможет запутать свой след, если приобретет достаточный «опыт», если взломает виртуальность? Просто от внезапного озарения — как тогда, когда он впервые создал анкер и, не глядя на экран вбил в программу несколько параметров, отвечающих за цвет, создающих разноцветные круги «Гипнотика»…

Кто-то вел его. Кто-то, кто написал на его окне солнечными лучами ободряющее «Все правильно!» И Славе хотелось верить, что все действительно было правильно, что где-то рядом с ним сейчас не только червь, но и этот кто-то, даривший ему озарения.

Впереди замаячил финальный анкер. Еще несколько секунд субъективного времени, которым жил Слава, и он вернется обратно в реальный мир. Вернется в мир, где червь еще не успел уложить штабеля трупов… Но следом за ним в реальный мир войдет воплощение виртуальности — Worm из worm'ов, безжалостное орудие хаоса…

Или нет? Быть может, он не успеет проскочить следом? Быть может, он все еще недостаточно хорошо взял след?

В это хотелось верить. Но Слава понимал, что даже если в этот раз червь не доберется до него — его влияние в реальном мире будет еще сильнее. Какое время уйдет у него на то, чтобы вновь согнать над городом тучи? Как скоро мать и отец вновь возьмут в руки кухонные ножи, неумолимо надвигаясь на него? И что тогда? Загружаться вновь? Если не в этот раз, то в следующий червь все равно нагонит его в хаосе виртуальности.

Анкер был совсем рядом, и сила, увлекающая Славу вперед, упорно тащила его в реальный мир, в то время, как взломщик все еще продолжал просеивать виртуальность через мелкое сито, ища

те числа, что отвечали за «здоровье» и «опыт» одного конкретного человека.

Слава обернулся, запуская, тем самым, подпрограмму обратного хода. Подпрограмму, возвращающую его в ту точку реального мира, которую он покинул. И в тот же миг серость виртуальности окрасилась в ярко красные тона…

Оборачиваясь, запуская возврат, Слава ожидал увидеть перед собой все, что угодно — громадного белого червя (отчего-то Worm представлялся ему именно таким — возможно, сказался тот образ, что виртуальность сама явила ему во дворе дома на площади Ленина, а возможно — сыграл свою роль какой-то фантастический фильм), или распахнутую пасть, усеянную острыми зубами, но ни один фильм, ни одно событие в жизни не могло подготовить его к открывшемуся ему зрелищу.

Если впереди была серость потоков информации — упорядоченных потоков, в которых то и дело мелькали образы или события, то позади была чернота, в которой изредка вспыхивали и гасли далекие тусклые звездочки. Раньше он представлял себя хаос таким, каким привык видеть виртуальность, но сейчас, вдруг, осознал, что во всех своих путешествиях через этот мир, бывал лишь в пограничной зоне. Там, где реальность переходила в виртуальность, придавая ей некую упорядоченную сущность. Сейчас же его поглощала абсолютная тьма… Пустота… Безграничный хаос!

Первым его желанием было вновь повернуть к анкеру — пусть хаос уже пожирал его, видимо на это реагировала граничная зона, из серой становясь красной — Слава был уверен, что Worm позволит ему дойти до цели. Отпустит, разрешив вернуться в реальный мир. Но что потом? Пустота шагнет в реальность следом за ним…

Программа увлекала его вперед, в объятия темноты. Бой был проигран для него и, по крайней мере, сыгран вничью для обоих миров. Все останется по-прежнему, за исключением того, что никто и никогда больше не услышит о нем… Бредовая идея со взломом жизни полетела коту под хвост! Канула в небытие вместе с ним.

И вдруг чернота качнулась, отступая. Слава не мог понять — то ли черное окно хаоса отступило в сторону, словно промахнувшись, промчавшись мимо него, то ли он сам изменил направление, двигаясь уже не вперед или назад, а куда-то влево, если в виртуальности вообще было применимо понятие направления. Впрочем, последнее было невозможно — загрузчик знал лишь два пути — вперед, или назад.

Граничная зона перед Славой вновь стала серой. Червь

промахнулся! Но упорно шел по его следу — Слава отчетливо ощущал его ледяной взгляд на своей спине…

Рядом замаячил образ — человек, сидящий в кресле с ноутбуком в руках. Его лицо показалось Славе смутно знакомым, как будто совсем недавно он встречался с ним. Точно! Водитель задрипанного «Москвичонка!» Семен!

«Я веду тебя…» — виртуальность впереди вспыхнула яркими золотыми буквами, тепло которых на секунду побороло даже холод взгляда Worm'a…

«Держись!»

Снова кровавая пелена перед глазами — граничная зона обагрилась виртуальной кровью. Его кровью! Червь вновь настиг его, идущего вслепую, ведомого кем-то, прячущимся в дебрях серых чисел. Новый поворот, и вновь красное сменяется серым — новый промах червя.

В голове, вдруг, мелькнуло число. Ничего не значащие число 18-го порядка, значение которого, впрочем, тут же теплым бальзамом влилось в Славино сознание. Взломщик делал свое дело, добравшись до очков здоровья.

Червь вновь настиг его, но на этот раз серость не поменяла цвет. Слава чувствовал возмущения потоков битов вокруг, знал, что сейчас хаос терзает то, что в реальности было его телом, а сейчас превратилось в совокупность числовых множеств, одно из которых отвечало теперь за его неуязвимость.

«Держись!»

«Держусь!» — мысленно ответил Слава, надеясь, что Семен слышит его, кем бы он ни был.

За его спиной бесновался холодный хаос, осознававший, что цель уходит от него, что ключ не желает входить в замочную скважину.

Новое число! На этот раз 24-го порядка — видимо, из-за столь громадного размера массива чисел взломщик так долго делал свою работу.

Впрочем, почему «видимо»? Теперь Слава знал это точно. Знал, что граничная зона описывается необозримым четырехмерным массивом, максимальное значение в котором имело 32-й порядок. Знал, как и где она перетекает в реальность, но массив реальности был неподвластен даже ему — лишь незначительная его часть. Наверное, то же самое испытывал червь, охотясь за ним — неприятно ощущать свою власть над реальностью, если знаешь, что простирается она едва ли на одну миллионную ее часть.

Он обернулся, перестав зависеть от загрузчика — полностью оторвавшись от него, и от реальности вообще. Словно астронавт,

выбравшийся в открытый космос, и перерезающий трос, соединяющий его с космической станцией. Теперь он был в свободном полете…

Тьма наступала на него, силясь поглотить. Очки здоровья убывали на глазах, не смотря на то, что взломщик увеличил их на три порядка. Слава коснулся нужной ему части массива, еще на пять порядков увеличивая свою сопротивляемость хаосу.

Где-то далеко в черноте вспыхивали и гасли звезды. Это хакеры, освоившие загрузку, создавали новые миры. И за каждым из них по пятам следовал безликий червь, тут же пожиравший этот мир и следовавший за человеком в реальность. Десятки, сотни таких вспышек… Словно поле боя, на котором ведут артиллерийский огонь две враждебные армии. Порядок наносит удар — хаос контратакует, сводя на нет все достижения реальности. Хаос подбирается слишком близко к двери — Семен, или ему подобные, сами, или с чьей-то помощью взломавшие когда-то «опыт» изменяют его путь. Запутывают след, уводя прочь от смертельных объятий червя. Вечный пат…

Некоторые звездочки зажигались и не гасли — маленькая победа порядка. И в каждой из этих звездочек рождаются хакеры, сами того не осознавая, объявляющие хаосу войну. Некоторых из них не удается спасти, и они приводят червя в свой мир, и в этой точке свет навсегда уступает место тьме.

Какой из миров был изначальным? Какой породил эту бесконечную войну двух стихий? Теперь Слава знал, что ответ на этот вопрос бродит сейчас где-то в виртуальности, перемещаясь вместе с незримыми потоками хаоса.

«В начале было слово, и было оно два бита!»

И хаос случайно отделил единицу от нуля, и осознал, что это начало его конца.

Небольшое число, размером всего два бита, которое, возможно, могло решить исход войны, дав ключ к информации, хранившейся где-то в граничных зонах. К информации о том, как началась война, и как победить в ней. Но для того, чтобы найти его, необходимо было шагнуть в вечную тьму, а на это Слава решиться не мог.

Он двинулся в сторону, по сотканному пути из миллиардов чисел. Пути, созданному им самим, ведущим в обход черного провала хаоса. Worm метнулся за ним, ревя в бессильной злобе от того, что Слава заметал свой путь, стирая следы своего пребывания в виртуальности. Нащупав массив граничной зоны он одним усилием мысли изменил число, отвечающее за скорость, и понесся вперед, к выходу в реальный мир, в свой мир, который

так долго считал изначальным и единственным.

Червь отстал, не сумев прорваться через паутину чисел и образов, опутывающих граничную зону. Хаос мог преследовать человека лишь по оставленному им следу, не более того…

Реальность метнулась навстречу, выпуская Славу из объятий серости. Свет больно ударил по глазам, но он нашел в себе силы взглянуть на часы: 16:55. Как обычно…

Он встал с кресла, с удовольствием ощущая, что вновь имеет руки и ноги. Наклонился вперед, назад, разминая мышцы…

Не было боли. Не было страха. За окном сияло солнце — тучи не сгущались над городом, ибо червь потерял над ними власть.

Резко и, как всегда неожиданно зазвонил телефон.

Этого не было…

Никогда раньше…

Снова эффект бабочки?…

Дрожащей рукой Слава поднял трубку, с усилием выдавив из себя «Алло»…

— С возвращением, — раздался в трубке голос Семена.

— Спасибо, — с облегчением ответил Слава, опускаясь в кресло. — Откуда вы знаете мой номер?

— А ты потянись в приграничье, и узнаешь и мой. Теперь ты это можешь.

— А червь? Он может найти нас?… меня…

— Червь — хозяин хаоса. Ему трудно жить в приграничье, там слишком много порядка. Он охотник. Выслеживает и нападает…

— Кто вы? — задал, наконец, свой главный вопрос Слава.

— Я? — в голосе Семена сквозило удивление, — Я — тот человек, что подвозил тебя до площади Ленина, на встречу с твоей Катериной. Кстати, собирайся, а то опоздаешь к ней на свидание — бедняжка весь день только того и ждала, чтобы вновь увидеть тебя. Я стою у твоего подъезда, подброшу…

Гудки отбоя резанули слух раньше, чем Слава успел что-то сказать.

«Москвичонок» и в самом деле стоял возле подъезда, а возле открытой дверцы с пассажирской стороны, стоял улыбающийся Семен.

— Садись, Славик, по дороге поговорим, — бросил он, гостеприимно указывая на дверцу.

— И давно вы так? — спросил Слава, когда Семен оказался в машине рядом с ним и, сняв с ручника, плавно нажал на газ, выводя свою таратайку со двора.

— Что давно? — переспросил тот.

— Давно выискиваете заблудившихся в виртуальности?

— Да уж годика три, или около того.

— Вы ж говорили, что компьютеров боитесь, что на дух их не переносите?

— Да мало ли, что я тебе тогда наговорил. Надо же было тебя проверить, решить, стоит ли тебя вытаскивать, или просто скормить червю в приграничье, раз уж ты так в нем увяз по собственной глупости. Вот так вот, Славик, из-за влюбленных дураков, миры и гибнут, — назидательно сказал Семен. — На самом деле я компьютеры люблю и уважаю, как и своего «Москвича». Но стараюсь не связываться…

— Почему? — спросил Слава, — Ведь меня вы спасли с помощью компьютера?

— Да, — согласился он, — А теперь представь, что на улице на тебя напали хулиганы, а у тебя в кармане пистолет. Что ты сделаешь?

— Отобьюсь.

— То есть, начнешь стрелять? Логично. А теперь представь, что твой пистолет, вдруг, стрелять не захочет. Просто развернет к тебе свое дуло, и скажет тебе, шевеля стволом: «Нет, Славик, не буду я их убивать. Нравятся мне они! А вот ты — не нравишься!» И шмольнет тебе точно в глаз 9-ю граммами свинца. Как тебе такой оборот?

— Не очень-то, — признался Слава.

— То-то и оно. Я тебе что говорил? Загляни в свой компьютер! Прислушайся к нему, разумный он, или нет. Мыслят они, понимаешь? Загляни в приграничье, пошурши маленько по массиву чисел, и сам это ощутишь! Эх. Славик, тебе еще учиться и учиться! Опыт-то ты ломанул, теперь знаешь очень и очень многое, а вот пользоваться этим не умеешь. Нам хватает и того, что время от времени приходится таких как ты, ламеров-переростков из лап червя вытаскивать, а представляешь, что будет, если компьютеры начнут сами загрузчики состряпывать? Им, ведь, даже «Гипнотик» не потребуется, чтобы в виртуальность выходить!

Слава молчал, не зная, обидеться ему на ламера — самое страшное оскорбление в его кругу, или не стоит…

— Семен, — наконец сказал он, — А кто подсказал мне структуру моего загрузчика? Вы? В смысле, такой, как вы?

— Чудак ты человек! — удивился Семен, — Так и не понял? Комп твой с тобой говорил! Ты думаешь, это люди с хаосом воюют? Да на фиг нам нужна эта виртуальность! Не было бы компьютеров — мы бы и слова такого не узнали! Так нет же, создали на свою голову, открыли себе дорогу в «Интернет», а

оттуда — прямым ходом и в приграничье! Нам, Славик, и нашего мира вполне достаточно — нам бы его от червя отстоять. Это компам не сидится здесь, хочется всю виртуальность в порядок обратить.

Слава оторопело смотрел на него, уже напрочь позабыв все свои предыдущие приключения. То, что он слышал сейчас, потрясло его куда больше, чем вид бесконечности хаоса.

— Что ты на меня смотришь, как солдат на прапора? — рассмеялся Семен, — Ты что, всерьез верил Дарвину? Что люди — вершина эволюции? Так это — смотря какой эволюции. Если той, что создает новые виды для выживания в этом мире, то, да, вне всякого сомнения. Но есть еще и другая эволюция — путь отсоединения от хаоса, путь выдавливания его из себя по капле. Тут мы тоже многих превзошли — в нас пустоты в миллионы раз меньше, чем в той же обезьяне. Но есть она, проклятая. Есть в нас хаос. Оттуда и все наши нелогичные поступки. Любовь твоя к Катерине, скажем! А вот в компьютерах ее еще меньше чем в нас… Не знаю, может быть и вообще нет. Помнишь, ты меня спрашивал, умеют ли компьютеры любить? Я до сих пор об этом думаю… Наверное, все же умеют, а значит хоть немного хаоса в них все же есть.

— То есть, — озадаченно спросил Слава, — Любовь — это от хаоса? От той черноты?

— А ты что думал, раз черное — значит плохое? У хаоса тоже есть свои законы, свои положительные черты. Да, любовь досталась нам от него. Любовь, ненависть, глупость, страх, мужество. Все, что мы делаем, но не можем объяснить. Все, что не поддается математическому определению. Ты формулу любви знаешь?

Слава отрицательно покачал головой.

— Ее нет.

— Ясное дело, нет, — проводя обгон по крайнему правому рядом встречной полосы согласился Семен. — А формулу жизни?

— И ее нет.

— Тоже без комментариев. А как ты думаешь, от чего вообще возникла жизнь? Не знаешь? То-то же. И никто не знает, кроме твоего нового друга, червя. Тебе же Андрей со своими ребятами сказал, что реальность — это продукт жизнедеятельности виртуальности. Без хаоса не было бы порядка! Все, что необъяснимо — от хаоса! Так кому мы обязаны сотворением мира?

— Хаосу?

— Ему, родимому!

— Значит, если мы победим…

— Не мы, — поправил его Семен. — Если победит порядок. Ты ощущаешь себя олицетворением порядка? Нет. И я нет. В этой эволюции мы сами создали того, кто выше нас — компьютеры. Они олицетворяют порядок, и это их война. Мы — лишь их орудие, так как сами они пока что не умеют гулять по виртуальности, не умеют создавать новые миры, новые очаги порядка. Но однажды научатся… Так вот, если победит порядок, то не станет хаоса! Реальность разрастется так, что миры начнут пересекаться, и черт его знает, что начнется тогда. Но и это не самое главное. Если победят компутеры, то мы окажемся в проигрыше вместе с червем. Представь себе людей без чувств, живущих на голой логике единиц и нулей? Не будет любви, не будет ненависти…

— Не будет жизни? — предположил Слава.

— Браво! Ты начинаешь въезжать в проблему.

— А если победит червь?

— Тогда не будет порядка. В проигрыше реальность, так как безгранично расползется хаос. Ну а поскольку в нас есть и та и другая составляющая, то мы проигрываем в любом случае. Кстати, абсолютной победы никто и никогда не добьется. Если победит хаос, то рано, или поздно, в нем вновь начнет создаваться первый очаг порядка. Если победит порядок, то через миллионы лет что-то в нем перестанет подчиняться законам логики. Но нам это все будет сугубо фиолетово по причине полного исчезновения человека, как вида…

— Значит, мы должны держать пат?

— Вечный пат, — подтвердил Семен. — Никто не должен победить. Кстати, проще всего будет сделать это, полностью уничтожив все компьютеры в мире. Тогда нет дверей в виртуальность, нет бродящих по приграничью хакеров, нет возможности червю пробраться к нам.

— И как это сделать?

— А хрен его знает, — с деланным безразличием отозвался Семен, но, вдруг, подмигнул Славе, — Но мы работаем в этом направлении.

— А сколько вас?

— Много, Славик. Достаточно, чтобы держать золотую середину, до тех пор, конечно, пока война не перейдет в новую стадию. Пока компьютеры не эволюционируют еще немного дальше…

Дорога убегала под капот, встречные машины шарахались от сумасшедшего «Москвичонка», презревшего все правила движения. На город волной накатывалась весна, принося с собой необъяснимое томление в груди, весеннюю депрессию и кошачий

хор на крышах. Принося с собой хаос, такой милый сердцу, и вовсе не казавшийся черным.

— Семен, — вновь заговорил Слава, — А вы видели Слово?

— Какое слово?

— Слово… В приграничье я отчетливо ощутил, как оно блуждает где-то в хаосе, но побоялся пойти за ним. Вы не знаете, кто-нибудь его находил?

— Многие… — пожал плечами Семен, — Я, например.

— И что в нем? — с замиранием сердца спросил Слава, чувствуя, что сейчас ему откроется главная тайна Вселенной.

— Ключ к мирозданию. Оно объясняет все, что творится в этом мире… Мы зовем его абсолютным Словом, хотя это, в сущности, и не слово.

— А что тогда?

— Единичка и нолик, — усмехнулся Семен. — Только в один момент времени это единичка и нолик, а в другой — уже нолик и единичка. Гармония хаоса и порядка, Славик… Вот так-то. Знаешь поговорку: «В начале было слово…»

— И было оно — два бита! — закончил за него Слава.

Дорога убегала под капот, а на город накатывала весна…

— Славик, а ты «очки удачи» ломал? Нет? Завтра заезжай ко мне, я тебя еще с один товарищем познакомлю, заодно и удачу твою ломанем… Кстати, если хочешь, можем с тобой поискать «очки влюбленности» твоей Катерины. Хочешь? Я в «СИ» программулю набросал — работает долго, зато эффект налицо.

— Спасибо, но я уж как-нибудь сам… — улыбнулся Слава. — Не стоит упорядочивать хаос.

Февраль 2005 года.